

ПОРТНЮК

Евгений Кострица

Сансара

Евгений Кострица

Портной

«Евгений Кострица»

2019

Кострица Е.

Портной / Е. Кострица — «Евгений Кострица»,
2019 — (Сансара)

ISBN 978-5-6040554-4-1

Он шивает ткань пространства и времени. Не создавая миры, а открывая в них двери. На его фильмы многолетняя очередь, но играют в них не актеры, а зрители. Среди бесчисленных альтернативных вселенных находятся самые причудливые декорации. Вскоре ему тоже придется примерить новую роль, и она ему не понравится. Планету спасет только герой, так кто он – Пожиратель или Портной?

ISBN 978-5-6040554-4-1

© Кострица Е., 2019
© Евгений Кострица, 2019

Содержание

1	5
2	10
3	14
4	22
5	26
6	31
7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Евгений Кострица

Портной

1

Он очень любил свой кинотеатр. Угловатое чудище архитектуры эпохи позднего социализма намертво зажалось башнями небоскребов, напечатанных последним поколением строительных 3D-принтеров. В отражении дорогих поляризованных стекол насмешливо искажался и так донельзя уродливый облик старого здания, но этим оно Кицуму и нравилось.

Ему хотелось думать, что это своего рода вызов суетливому и урбанизированному миру, где машины и технологии оставили унизительно мало места для человека. А существ с биопротезами Кицум людьми уже не считал. У многих теперь даже не было нормальных ступней. Последнее время их всё чаще меняли на модные пневмо-ролики, да и те использовались только для того, чтобы подчеркнуть статус. Люди почти не выходили на улицу, а кататься в тесных комнатах особенно негде.

Да и зачем вообще куда-то ходить, если нажатием клавиши получаешь доступ к единой многоглазой сети, охватившей весь мир?

Но одно такое место на планете еще оставалось. «Капсул-кинотеатр» Кицума никогда не был подключен к сети, поэтому клиенты могли посмотреть фильмы, только посетив его лично. Исключений не делалось ни для кого. Даже для сотрудников «Инспекции Надзора за Нравственностью», которые сегодня попросили о встрече.

Их визит был запланирован на девять утра, но Кицум мстительно опоздал на полтора часа. Он презирал местных чиновников и потому не спешил. Подождут.

Машин на стоянке не было. Видимо, гости пришли пешком. В последнее время персональный транспорт стал большой редкостью, хотя Кицум еще помнил автомобильные пробки. Пустые улицы казались декорациями уже свершившегося апокалипсиса. Скорее всего, так и было. Человечество попросту его не заметило.

Едва освещенное фойе встретило пряным запахом ароматических палочек. Кицум их очень любил, несмотря на то, что порой из-за них кашлял. Иногда клиенты капризно жаловались на головную боль или аллергический приступ, и тогда директор кротко извинялся, возвращал деньги и вычеркивал их имена из списков. Он искренне считал свой кинотеатр храмом, и очередь в него была расписана на годы вперед.

На первом этаже ничего никогда не менялось. Гостей встречали трехмерные барельефы из натурального тика и массивный стол кассира, уютно вписавшийся между деревянных колонн. Здесь до сих пор еще выдавали билеты. Карточки из дорогой бумаги пахли свежей типографской краской. Кицум всегда печатал их сам.

Морщинистая и древняя, как динозавр, старуха коротко кивнула ему, указав на двух посетителей. Рыхлый мужчина с тройным подбородком и молоденькая пухлолицая блондинка, с любопытством разглядывающая теплый ламповый интерьер, которым Кицум так гордился.

На мгновение он задержал на ней взгляд. Должно быть, стажерка. Ярко-красная помада, каблучки, прическа. Красивую фигуру безжалостно стискивал стандартный мундир. Интересно, сколько там осталось органики?

– Статс-советник Печёнкин и эксперт Агафонова, – представился мужчина, показав золотой значок на кителе. – У нас предписание. Мы из...

– Я прекрасно знаю, откуда вы! – брезгливо скривился Кицум. – Чем обязан визиту?

– Проверка нарушений Морального Кодекса Предпринимателя, регулируемых пунктом три-пять статьи сто сорок. Игнорирование законных требований неопределенного круга потребителей...

– Достаточно! – он с досадой перебил девушку, видимо, собиравшуюся пересказать весь Кодекс.

Говорила она хорошо поставленным дикторским голосом. Таким всё еще делают объявления в аэропортах; правда, там уже почти никто не летает. Вероятно, имплантат и резонирующие стальные пластины в глотке. Изменение речевого центра стоит недешево. Да и для эксперта Надзора эта девица слишком юна. Хотя с такой пластикой черт их теперь разберет... Наверняка чья-то дочка или любовница.

– Значит, требования уже определены, а обиженного потребителя еще нет? – язвительно спросил Кицум, надеясь, что у них нет на него ничего серьезного. Раньше он был им не по зубам. Видимо, зевнул очередной переворот в недрах местечковой иерархии. Зря не захватил с собой адвоката.

– Почему же? В вашем деле есть и заявление.

Смутившись, Агафонова принялась торопливо тыкать пальчиками в планшет. Ее остановил пренебрежительный жест более опытного коллеги:

– Мы обязательно всё вам покажем, но для начала хотелось бы осмотреться.

– Никогда у нас не были? – понимающе усмехнулся Кицум. Он знал, что для младших чиновников Надзора билеты в его кинотеатр слишком дороги.

– Пока не по карману, – неохотно признался Печёнкин. – Но о вас наслышаны. Так где стоят капсулы?

– Наверху, – Кицум показал на винтажную деревянную лестницу, украшенную рельефными фигурками демонов и драконов. – Хотите посмотреть?

– С удовольствием. Как понимаю, они отделены перегородками друг от друга?

– Конечно. Каждая находится в своей звуконепроницаемой комнате. Поднимемся наверх, и я вам всё покажу.

– Всегда было интересно, что чувствует зритель в ваших персонажах. Он же не может делать что-то по своему усмотрению? – подмигнул Печёнкин, демонстративно покосившись на хорошенькую Агафонову.

– Думаю, «по своему усмотрению» ничего нельзя сделать даже в собственном теле. А в наших фильмах это похоже на поездку в автомобиле с шофером. Вас везут по сюжету, но изменить его вы не можете. Впрочем, как и в обычном мире, если вы понимаете... – машинально ответил Кицум, гадая, во сколько обойдется этот визит.

– Значит, ваш зритель переживает всё по-настоящему? Даже самые интимные ощущения? – не отставал статс-советник, подталкивая к ответу, которому бы наверняка обрадовался.

Но Кицум никогда не связывался с порнофильмами. На них нужно было специальное разрешение, а Инспекция Надзора за Нравственностью очень неохотно выдавала лицензии. Да и то если персонажи находились исключительно в миссионерской позиции. Конечно, процветали кинотеатры с нелегальными сеансами, где всё было несколько разнообразнее, но Кицум прекрасно обходился без них. Его всегда удивляла людская тяга к синтезированным сексуальным переживаниям, при всей доступности и дешевизне натуральных аналогов.

– Смотря какой билет купите, – он показал на предупреждающую надпись в красивой золотой раме рядом с кассой. – Доступны три опции. Самая дорогая – «Забвение». Это временная амнезия и полное погружение. Похоже на сон, когда человек не знает, что спит. Такой вариант берут очень редко.

– Я слышал, что некоторые выходили после сеансов седыми... – вкрадчиво прокомментировал Печёнкин.

– Бывало и так, – кивнул Кицум, понимая, куда тот клонит. – Особенно если выставлен максимальный болевой порог. Человек платит за острые ощущения, и мы ему их даем. Но основной спрос все же на «Осознанное сновидение», когда зритель знает, что происходит и где он находится. Те, кто не уверен в себе, берут самый дешевый вариант – «Кукла». Это похоже на обычный кинофильм с видом из глаз выбранного персонажа.

– Но у вас же особенный кинотеатр! – подыграла Агафонова, старательно изображая наивную дурачку. – Меня восхищает, что в ваших фильмах сюжет «плавает»! Никто не знает, чем он закончится, каждый раз всё происходит по-новому! Говорят, события непредсказуемы, а персонажи ведут себя настолько правдоподобно, будто существуют в реальности!

– Реальность не обязана быть правдоподобной, в отличие от вымысла, который изначально создают с расчётом на потенциальную убедительность. А вот это уже коммерческая тайна и патентованная технология! – сухо ответил Кицум. Он на эти восторги не купится. Не даст даже намека.

Девушка раздосадовано нахмурилась и отвернулась. Печёнкин понимающе хмыкнул – клиент не раскололся, но попробовать стоило.

Ступеньки возмущенно отскрипели каждый шаг по лестнице. Кицум толкнул одну из нескольких десятков дверей на втором этаже и пропустил гостей вперед. Центр комнаты занимала серебристая яйцеобразная ванна, подсвеченная нежно-голубым.

Бесшумно сработал сервопривод, и крышка из матового стекла поднялась. Капсула казалась элегантным чудовищем, сонно зевнувшим при виде пары чиновников. Кицума всегда бесила даже не их жадность, а пугливое лицемерие и жалкие потуги на поучающую мораль, словно они жили в стране идиотов. В те же Средние Века всё обстояло гораздо честнее: был феодал, приближенные к кормушке особи и быдло, которому не так повезло при рождении. А сейчас тот же иерархический принцип преподносился уже высшим достижением социума.

– Как вам, Екатерина Ивановна? – в тоне Печёнкина угадывались нотки иронии.

– Морфей В443, класс ААА, закрытая коллекция... – девушка осторожно провела ладонью по изящным обводам капсулы, похожей на дорогой спортивный болид.

– Соответствует нормативам? Не дымит, не пахнет, нигде не жмёт? – игриво спросил статс-советник, остановив нарочито жадный взгляд на ее груди.

Кицум тотчас понял, как заработан шеврон эксперта. А почему нет? По крайней мере, это еще человечно. Всё лучше, чем мастурбация с механизмами.

– И все той же марки? – деловито спросила Екатерина Ивановна, срезав улыбку Печёнкина пренебрежительной гримаской. Вероятно, девушка осталась невысокого мнения о его мужественности. – Сколько их здесь?

– Пятьдесят, – нехотя ответил Кицум. – Абсолютно легальные. Сертификаты и техпаспорт есть на каждую, но мы редко используем все сразу. Фильмов на полсотни ролей почти не пишут. Жаль, но каждый клиент предпочитает прожить историю главным героем. За вторые роли нам платят гораздо меньше.

– Но, как полагаю, особых проблем нет? – пошевелил ноздрями Печёнкин, будто принимаясь. Должно быть, супостат чувствовал исходящий от касс запах денег, а чужой финансовый успех всерьез расстраивал.

– У нас нет. А у вас есть доступ к моим налоговым декларациям. Там всё подробно написано. Мы очень стараемся, чтобы клиенты оставались довольны. Поэтому и не понимаю, чем вызван ваш интерес. Так мне объявят, наконец, суть претензий? – раздраженно спросил Кицум, демонстративно захлопнув капсулу у чиновников перед носом.

– Конечно-конечно... но случай весьма необычен, – замялся Печёнкин. – Одна из клиенток получила повреждения... м-м-м... внутренних органов.

– Ах, вот вы про что... – озабоченно кивнул Кицум, пытаясь изобразить сожаление из-за столь досадного недоразумения. – Мы не имеем права обыскивать наших гостей или ставить

над каждым из них по охраннику. Порой в капсулы тайно проносят кустарные или не сертифицированные приспособления. Они могут добавить особые ощущения, даже если куплен самый дешевый билет. Это как зайти в дорогой ресторан со своим коньяком, понимаете? Если гость отравится, то кому придет в голову обвинить бар?

– Но вы несете ответственность, раз такие устройства можно подключить к интерфейсу! – возмутилась Екатерина Ивановна, видимо, из женской солидарности с жертвой несчастного случая.

– Если разъем подойдет, то подключить можно даже утюг. Обратитесь к производителю. Некоторые умудряются навредить себе вилок, но это не повод их запрещать! – горячо возразил Кицум. – К тому же мы пускаем только совершеннолетних. Страховка и пятьдесят страниц типового договора! Наши юристы...

– Нуждаются в повышении квалификации, – продолжил за него статс-советник. – Посылайте к нам, раз ваши ребята не в курсе. Есть специальная программа. И не так дорого. С апреля вступили в силу поправки в Закон о Трансплантации...

– А при чем тут ваш чертов закон? – не выдержал Кицум, ненавидя киборгов, чиновников и особенно их помеси в любой пропорции.

– Один из важных органов вашей клиентки не достиг совершеннолетия. А, согласно этим поправкам, официальный возраст отсчитывается по самому молодому...

– То есть, если она надует себе губы и задницу, то станет практически новорожденной? Да я помню ту дуру! – взорвался директор. – Вы бы видели, что за агрегат она с собой притащила! Но мы вошли в положение и ей хорошо заплатили!

– Видимо, недостаточно, – согласно кивнул Печёнкин. – У нее есть права, а у вас правила. А еще лицензия и социальная ответственность. Ваша, несомненно, щедрая компенсация эту несчастную женщину не устроила.

– Так была еще и страховка!

– К сожалению, тут явно нестраховой случай, – озабоченно покачал головой статс-советник. – Бедняжке рассмеялись в лицо. После этого она включила в исковое заявление еще и моральный вред на астрономическую сумму. Мы не можем оставить без внимания эту претензию, даже если суд встанет на вашу сторону. А наши штрафы вы знаете.

– Ладно. Раз пришли без ордера, еще можно замять дело, – тяжело вздохнул Кицум, предвкушая серьезные финансовые потери.

– Не могу ничего обещать. Будет непросто, – поиграл бровями Печёнкин, – но давайте попробуем. Мы хотели бы взглянуть на конфликт изнутри. Но для этого нужны билеты. Пока только на «Годзиллу». Причем обязательно на главных героев.

Кицум чертыхнулся про себя, едва удержавшись, чтобы не ткнуть кулаком в откормленную наглуую морду. Один боковой в челюсть надолго бы вырубил жирную тварь. А пока та валяется, хорошо бы задрать форменную юбку уважаемой Екатерины Ивановны: девица давно строит глазки.

Впрочем, от денег та клиентка всё равно не откажется. А их предложение намного хуже, чем деньги! Заявление – лишь предлог для серьезной проверки. Итог почти всегда один – конфискация. Нет, просто так не отвяжутся. Начнут с малого, но рано или поздно потребуют долю в бизнесе. Львиную долю.

– Но всё же занято! Если даже устроить вам внеплановый персональный сеанс, то где взять остальных? Фильм ровно на тридцать пять человек. А если подарить билеты другим, то пойдут слухи! Я не могу набрать людей в обход очереди! – Кицум нервно ходил туда-сюда, зная, что объяснять бесполезно. Им плевать, если дело всей его жизни загнется.

– Не беспокойтесь, нам хватит одной финальной сцены, – с честными глазами заверил его статс-советник. – Там, где он, она и чудовище. Триумф заслуженной победы, поцелуй на фоне ванильного неба и всё такое...

– Ах, вот как... – задумчиво потер подбородок директор, ощущая сладкое предвкушение риска. Кончится это, скорее всего, плохо, но он не откажет себе в таком удовольствии. Даже если оно станет последним. – И какой же билет вы возьмете?

– «Осознанное сновидение», конечно же! У меня слабое сердце, знаете ли... На первый раз хватит и этого, – осторожно промямлил Печёнкин, заметив перемену его настроения.

– Ну, тогда всё в порядке, – пожал плечами Кицум, отметив про себя последнюю фразу, чтобы повторить ее в сцене. Он уже знал, как и когда ее скажет, и потому чувствовал себя лучше. – Подписывайте стандартный договор и заходите.

– Куда идти? – деловито спросила блондинка, поправляя причёску.

– Комнаты тринадцать и сорок пять. Надеюсь, у вас-то все органы совершеннолетние? – зловеще улыбнулся директор.

– Вполне! – брызнул слюной Печёнкин, обнимая ее за талию.

Кицум заметил, как безгласно отстранилась она от «наставника». Видимо, перспективы карьерного роста исчерпаны. Ей нужна свежая кровь и новые впечатления. И сейчас их у девушки будет с избытком. А вот в перспективах Печёнкина были сомнения.

Внутренне закипая, директор отправился в личную комнату без номера, где проводил каждый сеанс. Там за черной шторкой пряталось «гнездо», как называл он свою персональную капсулу. На маняще замерцавшей огнями панели на этот раз висел красный стикер: «Годзилла».

2

– Вы хорошо поняли, в чем вас обвиняют? – медленно и четко произнес яркий свет. Из-за направленной в лицо лампы самого следователя Кицум не видел.

– Нет. Не понял... – признался он, подпустив испуганной дрожи в голос. Похоже, в полиции обсмотрелись старых фильмов. Балаган с темной и сырой камерой сперва веселил, но теперь стал побешивать.

Оперативники из «Надзора» вытащили из «гнезда» прямо во время очередного сеанса. Конечно, Кицум отдавал себе отчет, что дело будут тщательно расследовать, но пока не мог понять, в чем ошибся. Смерть инспектора – это не шутки, но несчастные случаи в капсулах бывали и раньше. При чем тут он? Если сердце большое, то умереть можно даже на унитазе.

– Что конкретно вам непонятно? – холодно спросил голос.

– Ничего не понятно. Вашим сотрудникам стало плохо. Мы вызвали скорую помощь, их увезли, – развел руками Кицум. – Они выбрались из капсул самостоятельно!

– Вырвав крепления и сломав защелки замков изнутри? На пластике глубокие царапины от ногтей! Как должен быть напуган человек, чтобы проделать подобное? – громко хлопнуло по столу папкой или просто ладонью.

– Некоторые нервничают даже на детских качелях, – хмыкнул он равнодушно. – Подобные риски указаны в типовом договоре. Пятый раздел, пункт тринадцатый и сорок четвертый. Клиенты на нем очень настаивали. Это было их выбором.

– Что именно они выбрали?

– Самый жесткий и дорогой вариант – «Забвение». Непревзойденная яркость ощущений, максимальный болевой порог. А ведь как я их отговаривал... – печально покачал головой Кицум. – Знаете, в «Годзилле» очень натуралистичные сцены.

– Вы лжете! – реостат подкрутили, и свет стал ярче. Казалось, еще чуть-чуть, и в камере зажгут солнце. – Есть запись вашего последнего разговора. Статс-советник ясно и четко попросил вас об «Осознанном сновидении». Кроме того, упомянул и о проблемах с сердцем.

– Он так сказал? Немудрено. Нарушение кровообращения вызывает причудливые галлюцинации.

Нет, это невыносимо! Чертова лампа будто прожгла дырку в черепе и принялась уже за спинку стула. Кицум почти физически ощущал запах дыма. Будь он религиозным, то решил бы, что под убийцей горит земля. Ну, или пахнет кипящим маслом в адском котле, который для него готовят черти.

Но директор не верил ни в ад, ни в богов, а лишь в абсолютную истину непостоянства. Вот оно никогда не подводит – обед в собственном кабинете, а ужин в сырой камере. Было глупо надеяться, что эта забава сойдет с рук, но в тот момент ему показалось, что она того стоила. Рано или поздно всё равно все умрут. Зато как Печёнкин визжал, сколько получено удовольствия!

– Камера не записывает галлюцинации. Вам не повезло. Один из глаз у Агафоновой был заменен имплантатом. Запись велась круглосуточно. Там нашлись очень любопытные съемки, – мерзко хихикнули где-то за лампой.

– Вы не имели права! Это приватная информация! – запротестовал Кицум, быстро оценив безвыходность ситуации. – Откуда её показания? Мне сказали, что девушка лежит в психушке.

– Вот поэтому мы и смогли извлечь эти файлы. Агафонову временно признали недееспособной. Надеюсь, она поправится. Но ее психическая инвалидность уже не самая большая проблема. Всё гораздо серьезнее. Статс-советник Печёнкин умер в больнице от сердечного приступа. Записи доказывают, что вы могли вызвать его преднамеренно.

– Как? Залезть в Годзиллу? Она не моего размера! – нервно отшутился Кицум, хрустнув костяшками пальцев.

– Именно. Так вы и сделали! – ему сунули под нос стикеры с капсулы.

– Я? Да вы с ума сошли! Таких технологий не существует!

– Значит, существуют. Кое-какие материалы мы уже нашли. Суд разрешил их исследовать, чем сейчас и занимаются наши ученые, – злорадно ухмыльнулись за лампой.

– Не думаю, что они разберутся, – по-детски беззаботно улыбнулся Кицум, как только понял, что от него нужно. – Я работал интуитивно. В моих расчетах нет логико-математического аппарата.

– Ну почему же? Вы очень умны, господин злобный псих. Ваши разработки по-хорошему удивили. Возможно, за них человечество будет даже признательно. Но не вам, а одному из наших сотрудников. Наверху думают над именем нового исследовательского центра. Вероятно, его назовут в честь Печёнкина.

– Спасибо. Очень лестно, – скривился директор, оценив иронию. – Но одних записей вашим яйцеголовым будет мало. Всё самое важное в моей голове. Я бы посоветовал ее очень беречь.

– Вот поэтому я с ней еще разговариваю, – неожиданно мягко произнес голос. – Знаете, «непредумышленное убийство» легко заменить на более тяжкую статью. Но если будете сотрудничать, оставим как есть.

– Адвокат сказал, что мне грозит пятнадцать лет тюрьмы. А за умышленное убийство тот же срок, но на каторге. Разница не такая большая, – хмыкнул Кицум.

– Поверьте, она хорошо чувствуется. Кроме того, мы попросим, чтобы вы провели весь срок в стагисе. Несколько лет беспамьятства намного лучше рабства на урановых рудниках. Думаю, наслышаны о том, что там происходит?

– Не было причин интересоваться... – буркнул директор, нервно барабаня по столу пальцами.

– Теперь они есть, – со значением заявил следователь и наконец выключил лампу.

Огненные всполохи еще плясали в глазах, но Кицум оценил жест по достоинству. В комфортной полутьме думалось намного яснее.

– Заключенным на каторге перерезают ахиллово сухожилие. Они гниют заживо и возят тележки с рудой на карачках. Вечная тьма, скудный паек и сексуальное насилие среди таких же отбросов. Вы ведь не хотите столь незавидной участи, верно? – нехорошо хихикнул следователь, но его глаза не смеялись.

– Ладно, что от меня надо? – сдался Кицум, решив более не упрямиться и упростить ситуацию. Он не верил страшным сказкам, но проверять на себе их правдивость было бы глупо.

– Ключи шифрования. Полный доступ к документации. Мы устроим несколько встреч-консультаций с нашими инженерами, – с облегчением выдохнул дознаватель. – Но для начала хотелось бы кое-что уточнить.

– Так спрашивайте, – милостиво позволил Кицум, расслабленно закрывая глаза. Перед ними до сих пор плавали неприятные рыжие пятна. Должно быть, религиозные фанатики всё перепутали. Свет ужасен и безжалостен. По сравнению с ним тьма выглядела истинным благословением.

– К сожалению, глаз-камера Агафоновой не смогла зафиксировать то, что пострадавшая видела в капсуле. Но у нас есть протокол первичного обследования. Психиатры записали, что большая бредит жуткими сценами: «Годзилла заставил ее отрезать у Печёнкина гениталии. А потом съесть их у него на глазах», – в тоне следователя отчетливо прозвучали нотки восхищения. – Вы серьезно? Так всё и было?

– Вы меня не подловите. Я не стану свидетельствовать против себя.

– Ладно, – понимающе кивнул тот. – Тогда хотя бы общие принципы. И так, зритель покупает билет на роль одного из персонажей, а вы воплощаетесь в монстра или злодея. Но мы не нашли ни трехмерных моделей, ни текстур. Никакой графической оболочки! Это не фильм, но и не игра! И откуда в событиях появляется «люфт»? Как, черт возьми, там всё происходит?

– Это непросто объяснить, – согласился Кицум. – Мой зритель не играет. Он рождается и живет в измерении, где я предварительно подготовил для него тело и все необходимые обстоятельства.

– Постойте, но в других кинотеатрах сцены просчитаны заранее, а их объекты жестко зафиксированы. Зритель едет в своем персонаже точно в вагоне по рельсам. О каком измерении вы вообще говорите?

– О боже... вы даже не добрались до механизма «проката», – ядовито заключил Кицум. – Мои капсулы не проигрывают записанный на жесткий диск фильм, как это делают все остальные. Созданные миражи реальны так же, как эта камера. Вот смотрите: ее кто-то построил, покрасил стены, поставил стол и стул, нанял охрану. И только после этого сюда любезно пригласили меня. Вот это и есть ваш «фильм», в который мне насильно вручили билеты.

– Ничего не понял! Объяснитесь! – потряс головой следователь, торопливо записывая.

– Понимаете, человеческий мозг не содержит в себе ни памяти, ни знаний. Всё это существует как особые поля в «изнанке» реальности. Мы настраиваемся на них так же, как радиоприемник ловит волну. Разумеется, «поймать» в этом эфире свою память проще, чем чужую, но при должной «настройке» и это возможно. Так и объясняется телепатия, гадания, предсказания и прочая «экстрасенсорика». К примеру, сны мы видим в наших индивидуальных полях.

– Хм... Звучит слишком фантастично, – недоверчиво хмыкнул следователь. – Чем это можно доказать? Откуда знать, что вы опять не врете?

– Предположение, что люди по умолчанию не говорят правду, разрушило бы весь процесс коммуникации. Мои миры и есть доказательство. И в них я пускаю только за деньги, – усмехнулся Кицум.

– Значит, вы записываете там свой фильм, а потом подключаете к этому «полю» клиентов? – округлил глаза следователь, бросив записывать.

– Как вы проницательны, молодой человек, – покровительственно улыбнулся директор. – Но всё немного не так. Я пробиваю ход в особом подпространстве и нахожу нужный мне «зал». Он уже существует, но еще пуст. Требуется создать декорации, персонажи-пустышки, выстроить между ними сложные связи. И когда я заселяю гостей, мой фильм оживает. Теперь понимаете, кого вы хотите отправить на каторгу?

– И кого же?

– Творца миров! Я божеество! – воодушевленно воскликнул Кицум. – Как, впрочем, и вы, и все остальные! Читали что-нибудь о квантовой физике, о «кошке Шредингера»? Нет?

– Мы вас очень внимательно слушаем, – ему многозначительно показали зеркало на стене и камеру под потолком.

– Видите ли... миров очень много. Они бесчисленны. Всё, что только может случиться – обязательно где-то произойдет. Всеми возможными вариантами. Но без «наблюдателя» они как бы парят в неопределенности. А когда он решает посмотреть, сводятся к одному, который и случается. Нет никакой реальности, пока ее не измерят. Таким образом, время, пространство, материя и всё остальное существует только благодаря восприятию. Наши ожидания определяют будущее. Как только их суммарный вектор проявляется в поле, оно проецирует себя в настоящее, создавая причины и условия для событий, которые уже произошли в сознании. Ваши хваленые ученые не столько открыли элементарные частицы, сколько изобрели их. Предсказали теоретически, а потом нашли в своих опытах. Так мы программируем – а скорее, зомбируем, – не только себя, но и всё вокруг, понимаете?

– Люди очень разные, а их фантазии сильно отличаются, – упрямо мотнув головой, возразил следователь.

Кицум понял прозрачный намек. Минутой раньше его называли психом. Считают невменяемым? Хорошо! Они получают то, что хотят.

– Конечно, отличаются. Точно так же, как и миры, которые так проявляются. Их число бесконечно, и в каждом одно и то же событие происходит по-своему. Всеми возможными, бесчисленными способами! К примеру, в одном из них я сейчас сбегу, проломив вам голову. А в другом останусь и пожру ваши мозги, пока они еще теплые.

Изменившись в лице, следователь нажал кнопку под столом и поспешно отодвинулся вместе со стулом.

– Вот видите? Вы поверили, потому что ждете от меня чего-то подобного! И значит, где-то это уже произошло. Мир лишь зеркало, полное наших собственных отражений! – с экспрессией продолжил Кицум, разведя руками, точно фокусник после трюка.

Дверь распахнулась, и в комнату влетела пара верзил-охранников. Нетерпеливый жест дознавателя остановил их.

– Хорошо, но почему мы с вами сидим в одной «камере»? – недоверчиво спросил он, видимо, диагностировав случай «запущенного солипсизма». – Как вы или другие тогда оказались в моем измерении?

– Ни «меня», ни «вас», строго говоря, не существует. Взаимообусловленность не оставляет даже теоретической возможности для истинной автономии, – назидательно поправил его Кицум. – Это во-первых. А во-вторых, вместе мы оказались отнюдь не случайно. У нас схожие причины, условия и обстоятельства. Древние мистики называли такое «совпадение» кармой, подразумевая естественную причинно-следственную связь.

– Поясните, пожалуйста.

– К примеру, если рассыпать ведро песка по разным детским формочкам, то куличики из них вылепятся столь же разные. В физических законах, по которым так объединились песчинки, нет ничего мистического, хотя просчитать судьбу каждой почти невозможно, – торжественно заключил Кицум.

– Да черт с ними, с вашими «куличиками»! – разозлился следователь, совершенно запутавшись. – «Фильмы», в которые вы запускаете зрителей, это объективно существующие миры или иллюзии?

– Всё воспринимаемое тоже иллюзия. И она поистине великолепна. Вы так ничего и не поняли, – Кицум досадливо щелкнул пальцами. – Я понимаю. Это не так легко схватывается.

– Достаточно! – поднялась ладонь, словно выставляя защитный барьер. – Где ключи к шифрам?

– У меня дома. Тайник в ножке кухонного стола. Вы открываете ящик Пандоры и даже не представляете, куда лезете. Желаю удачи. Человечеству теперь она очень понадобится! – допрос закончился демоническим хохотом сумасшедшего.

3

«Кицум! Слышите? Моргните!»

Одновременно с этим раздражающим голосом родился и мир. А вот моргать пока нечем. Вокруг только свет. Он и есть свет. Тогда кто говорит?

«Кицум!»

Из прозрачных глубин небытия тяжело поднималась память, и это было омерзительно. Необъятное и чистое пространство осознанности сузилось до одной жалкой личности. И это не могло нравиться.

– Уберите от меня... – Кицум сумел разлепить веки, но не сразу вспомнил, как называется ручка-фонарик. Им ему светила в глаза какая-то особь. Женская, судя по яркой раскраске.

– Уже разговариваете? – удивилась она.

– Вот ужас-то, да? – язвительно пробормотал Кицум, отметив, что язык едва ворочается. – Что-то пошло не так? Кто-то забыл попрощаться?

– Нет, всё прошло сравнительно хорошо, – девушка наконец сообразила выключить фонарик, и длинные пальцы быстро забегали по планшету.

– Что прошло? Стазис? – недоуменно спросил Кицум. Он отчетливо помнил, что его «проводили» инъекцией всего несколько секунд назад. Вот только врач был другой.

– Угу, – приветливо кивнули ему. – Вы отбыли в контролируемой коме пятнадцать лет и три месяца.

Пятнадцать лет!

В это не верилось – перерыва в осознанности не было. А точнее, Кицум его попросту не заметил. Он представлял стазис, как бездонную тьму, где можно свободно парить, наслаждаясь покоем безмыслия. Но, закрыв глаза после укола, сразу же открыл их от яркого света. Долбанные чиновники украли даже срок заключения!

– А почему добавили три месяца? – Кицум попробовал сесть, но ничего не вышло. Голова двигалась, а тело даже не шевельнулось, как будто ниже шеи ничего не было. Похоже, оно еще спало. – Так что? Плохо вёл себя в стазисе, или забыли поставить будильник?

– Не шевелитесь, пожалуйста, – мягко попросила девушка. – Возникли некоторые проблемы с... физиологической адаптацией.

– Ну, если разбудили, значит, их решили. Так теперь я свободен? – небрежно бросил он, затаив дыхание.

Следователь выполнил свое обещание, и всё же на душе было тревожно. Кислое выражение женского лица намекало на неприятности. Кицум интуитивно ожидал какой-то невероятной подставы. Хорошо бы про него вообще все забыли. Хотя вряд ли... Он, словно эдемский змий, подарил людям яблоко знания. И сидевшие в нем черви для них наверняка стали сюрпризом.

– Да, теперь вы свободны. Но... видите ли... – замялась девушка, опуская глаза. – Родственники господина Печёнкина заявили права на ваше тело.

– И? – настороженно продолжил Кицум. – Вы продали им меня в рабство? Приговор уже вынесли. Нельзя повторно осудить за одно и то же преступление. Я уже понес наказание и знаю свои права.

– Это дело рассматривалось уже не в уголовном, а в мировом суде в рамках процесса о компенсации за потерю кормильца и нанесенный моральный ущерб, – вклинился в разговор сочный мужской баритон. Его обладатель появился в поле зрения секундой позже.

Кицум с трудом повернул к нему голову: дешевый серый костюм, невыразительные черты лица, хитрые маслянистые глазки. Подленькая и мелочная порода. Тот еще тип. Видимо, новый юрист.

– Александр Киперман, – представился тот, поклонившись. – Мои услуги оплатил Центр Социальной Защиты. Только одно посещение.

– Социальной? – возмутился Кицум. – У меня контракт с...

– Забудьте про все контракты. Вас признали банкротом. Денег больше нет, – нагло перебил его тип. – Скажите спасибо, что я трачу на вас свое время. Оно не так дешево стоит.

– А куда делись все мои сбережения? Акции, кинотеатр? – пролепетал бывший директор, покрываясь испариной. Вытереть ее со лба он не смог.

– Билеты на ваше чудесное шоу были раскуплены на годы вперед. Работать без вас оно не могло, а в каждом контракте прописана неустойка. Всё ушло с молотка. Кинотеатр в центре города тоже пришлось продать. Земельный налог неприятен, но обязателен, – в тоне юриста отчетливо прозвучали нотки злорадства.

Вот сукин сын!

Кицум стиснул зубы. Не хотелось доставлять жулику удовольствия. Тот, должно быть, неделю предвкушал удовольствие от этой речи. Держать удар и взять себя в руки! Вот если бы они еще и работали...

– Черт с ними, с деньгами, – нарочито безразлично произнес он. – Что с иском родственников этого...

– Печёнкина, – любезно подсказал Александр. – Разбудить вас на процесс запрещал закон, а бесплатным юристам трудно поддерживать мотивацию для эффективной работы. Вы проиграли дело и лишились большей части своих органов.

– Шутите? – вздрогнул Кицум. – Суд не может забрать то, без чего нельзя обойтись!

– Но изъяли только то, что легко заменить имплантами. Кажется, в деле упоминалось, что вы ненавидите киборгов? Судьей как раз был один из них. И у него оказалось очень своеобразное чувство юмора, – довольно усмехнулся юрист, видя, как глаза клиента наливаются яростью.

– Ублюдки! На имплантаты теперь нет даже денег! – зарычал Кицум.

– А это уже ваша проблема. Здесь режимное учреждение, а не благотворительный хоспис. Завтра вас выпишут.

– Но это же узаконенное убийство! – встрепенулась девушка, в ужасе расширив глаза. – Без стационарной аппаратуры он не проживет и минуты! Фактически это говорящая голова и пустой чехол кожи без органов!

– О, не волнуйтесь за него. Даже то, что осталось, кое для кого обладает исключительной ценностью. Ему с удовольствием помогут, – заверил ее Александр. – Поэтому я сюда и пришел. Вот визитка. – Со змеиной улыбочкой он протянул врачу карточку.

– Кто там? – хрипло спросил Кицум, представляя, как разрывает горло юриста зубами. Никуда не торопясь, мелкими и тупыми.

Должно быть, от захлестнувшей ярости давление поднялось. Девушка вскочила и что-то быстро подправила, беспокойно мазнув взглядом по шкафам с приборами.

– Вам лучше уйти. Пациент плохо себя чувствует, – она схватила оторопевшего юриста под локоть и потащила к выходу, точно игрушку. Эта маленькая и бойкая женщина, видимо, обладала недюжинной силой.

– Поговорите с ними, но решайте быстрее! – крикнул тот от двери. – Других предложений не будет. И не забывайте о моих комиссионных! Всего хорошего!

Киперман, наконец, вышел из кадра и дышать стало свободнее. Казалось, жулик захватил с собой проблемы, беспокойство и даже грязь, если она тут была. К этому типу липло всё. А после такой уборки комната казалась вычищенной до стерильности. По крайней мере, до прихода следующих гадов. Несколько чистых, прозрачно-ясных минут еще было, и Кицум с удовольствием тратил их под умиротворяющее жужжание аппарата жизнеобеспечения.

Ему хотелось верить, что всё не так плохо. Он дышит, говорит, а значит, хотя бы легкие, гортань и диафрагму оставили. Видимо, только для того, чтобы заказать импланты.

Нет уж, лучше умереть! Никто не нацепит на него эту гадость!

Кицум беспокойно дернулся, и девушка чистой салфеткой вытерла с его лица испарину. Она сочувственно молчала, а он расслабленно таращился на потолок, размышляя. Откуда, собственно, его странная неприязнь к киборгам?

Логического объяснения не было. Кицум отдавал себе отчет, что это своеобразный психоз, а скорее, фобия. Возможно, именно так женщины боятся мышей – панически, иррационально, до визга. Страшно было даже представить в себе нечто чужое и мертвое. Впрочем, и от себя-то почти ничего не осталось. По сути, его никогда и не было. «Человек» – только название, собранный из частей агрегат. Сколько потребуется заменить органов, чтобы это понять? Железно, до полной уверенности?

Кицум тяжело вздохнул и опустил взгляд на белый халат девушки. На нем ни пятнышка. Точно так же, как их не было в стазисе. Ум там невинен и девственно-чист. Воспринимать нечего, да и некому. Ни границ, ни обусловленности. Абсолютное ничто. Не это ли истинная свобода? Какого черта его разбудили?

В голову пришла мысль, что настоящее наказание совсем не стазис. Им стало пробуждение. И даже еще раньше – сама жизнь. Кто спрашивал его, хочет ли он родиться? Расти, бороться за ресурсы с другими несчастными? Познать боль, душевные страдания, редкие моменты удовлетворенности, а потом неизбежно закончить этот мучительный марафон смерти? Может ли сорвавшийся с горы человек испытывать счастье во время полета?

Кицум поморщился от досады. Нельзя раскисать. Только не ныть!

Теперь он одинок и свободен. Причем даже от собственного тела. А за такую роскошь придется как-то расплачиваться. Конечно же, тот ушлый тип прав. Мир безжалостен и жесток, а подстраховать уже некому. Родственников почти нет, да и связи давно потеряны. Друзей Кицум не заводил, предпочитая оставаться от всех на комфортной дистанции. Но раньше он был горд и богат, а нищий инвалид никому не нужен. Ну, кроме сомнительных проходимцев, которым за чем-то понадобился.

– Тут написано: «Корпорация Шесть Лок». Соединить вас? – прервала молчание врач, угадав его мысли.

– А есть другие предложения? – мрачно спросил он, еще злясь. – Может, выйдете за меня замуж?

– Нет, – смутилась она. – Вы слишком старый и больной.

Неужели? Юность так категорична и самоуверенна. Но миру до сих пор что-то от него надо. Просто так не отстанут.

– Как зовут вас, милая?

– Маша. Мария Львовна, – поправилась она, краснея.

– Хорошее имя. От древнееврейского Мириам, насколько помню, – задумчиво пожевал губами Кицум. – Скорее всего, в значении «любимая», «желанная». Ну что же, Машенька, позвоните, если не трудно.

– Вот! Достаточно только нажать, – она поднесла визитку к его уху. На безымянном пальце сверкнуло дорогое кольцо. Скорее всего, девушка была замужем.

– Филонов Андрей Павлович, – представился голос из карточки. – Начальник юридического отдела. Уже внизу, в бюро пропусков. Если позволите, мы поднимемся. Попросите врача, чтобы нас пропустили.

– Мне намного лучше. Внизу посетители. Пропустите, пожалуйста, – постарался улыбнуться Кицум. Казалось, Маша переживает за него больше, чем он сам.

– Я позову и пойду, ладно? – неловко извинилась та, видимо, еще не овладев эмоциональной отстраненностью медработника.

– Конечно. Со мной всё будет в порядке. А вы еще на ординатуре, верно? – догадался Кицум.

– На практике, – кивнула она. – Мы обязательно еще увидимся. Кстати, а почему вас так необычно зовут?

– О, самый популярный вопрос. Поразительно, что вы так долго продержались, – проворчал он, вспомнив школьные драки. – Вероятно, родители любили старое фэнтези. В свое время это доставило мне немало проблем. Ребенку тяжело носить имя супер-героя.

– Ой, простите... – извиняясь, пискнула девушка и юркнула за дверь.

За секунду до исчезновения Кицум поймал ее взгляд. Внимательный и... нечеловеческий. Это существо было кем угодно, но только не женщиной. Должно быть, мысленно оно находилось уже в коридоре, и лицевые мышцы расслабились, заняв свое естественное положение.

Кицуму вдруг стало жарко. Похоже, галлюцинация. Его разум сдался и бредит. К тому же отчетливо чувствовался запах свежих цветов. Но их здесь нет. То, что это не духи, он был совершенно уверен – аромат он заметил бы раньше. А выглядело так, словно это существо оставило отчетливый пахучий след.

Нет, просто обычный глюк, что неудивительно в таком состоянии. А разговор предстоит серьезный. Разумнее забыть про нее и расслабиться.

Легкий перестук каблучков затихал в коридоре, а в чудом уцелевшей голове неприятно змеились скользкие тяжелые мысли. Удивительно, что судья оставил ее на месте. Должно быть, только потому, что не изобрели заменитель мозгов. Впрочем, многие прекрасно обходятся и без них, судя по их поведению.

Вот какой умник решил, что вправе распоряжаться чужим телом? Он его рожал, кормил, баюкал, прятал от солнца и непогоды? Можно забрать деньги, одежду, дом, работу – всё, чем дали попользоваться. Но тело?! Они от жадности еще бы воздух откачали из легких!

Теперь же, видимо, забирать больше нечего. Или есть? Наша Машенька подозрительно любезна для практикантки. Кто знает, что роится в ее прелестной женской головке. Да и в женской ли? Может, рассчитывает на потенциальные дивиденды?

В искреннее сострадание и доброту Кицум давно не верил. За нее наверняка придется платить, а скорее всего, переплачивать. Интересно, если бы его поймали на слове? Вдруг Маша согласилась бы выйти замуж?

Кицум тяжело вздохнул, понимая, что прячет страх и неуверенность под слоем отборнейшей чуши. Защитная реакция замещения. Надо дать хоть какую-то работу мозгу. О девушках всегда думать приятно, а вот о мрачных перспективах нет, что естественно и, видимо, правильно.

– Добрый день! Для нас большая честь лично встретиться с вами! – энергично поздоровались с ним два странных субъекта, внезапно возникших в поле зрения.

От неожиданности Кицум даже вздрогнул. Задумавшись, он не заметил, как они вошли. А посмотреть там было на что.

Хороший пошив, дорогая ткань костюмов. Суровые мужественные лица, срисованные со старых культовых актеров. Клинт Иствуд и Кларк Гейбл, ни дать, ни взять. Жаль, никто из них не патентовал свою внешность. И вот результат – ее беззастенчиво юзают ушлые киборги. Хотя выражение их глаз мало подходило к заимствованной брутальности настоящего мачо.

– Надеюсь, что добрый... – процедил сквозь зубы Кицум, не в силах справиться с неприязнью к синтетикам.

Судья знал, куда бить, лишив самого дорогого, что у него было. Дорогого, потому что машина никогда не сможет родить. Массовое производство органических запчастей лишь осквернит тайну осознанности. А это единственное, что Кицум считал действительно ценным.

– Простите, мы прекрасно знаем, что вы недолюбливаете киборгизацию... – осторожно начал Клинт Иствуд, прочитав гримасу отвращения на его лице.

– Не извиняйтесь, это только мой пунктик, – поморщился он. – Я внимательно слушаю.

– Мы знаем, что вы оказались в непростом положении. Только имплантаты могут спасти вашу жизнь, – вкрадчиво продолжил «Клинт». – Мы всё оплатим. Самые последние и дорогие модели.

– А на что мне такая жизнь? – криво усмехнулся Кицум. – Есть вещи пострашнее смерти, поверьте.

Мужчины недоуменно переглянулись, не ожидая такой реакции. А он едва удержался от желания брезгливо плюнуть. Скорее всего, сейчас и не получилось бы. Попал бы на себя. К тому же во рту сухо.

«Тупицы! Забейте свои протезы себе в глотку! Да лучше сдохнуть, чем стать таким, как вы!» – мысленно проорал он. Озвучивать этот вопль Кицум, конечно же, не решился.

– Но вы же настоящий гений... – растерянно пробормотал Кларк Гейбл. Этот жалкий лепет ему совершенно не шел. – Вы можете сделать так много хорошего! Ну, или плохого, если угодно... – неуверенно добавил он, увидев ухмылку.

– Вот! Другое дело. Я незамутненное, абсолютное зло! – ядовито съязвил Кицум. – По крайней мере, так сказал мне судья. А я человек очень доверчивый. Итак, чем же придется оплатить ваши импланты?

Воодушевленные юристы с облегчением выдохнули, решив, что дело сделано. Причем одновременно. Похоже, их реакции синхронизированы на аппаратном уровне. Стандартизация и унификация всегда дешевле. Кончится тем, что скоро таких умников будут выпекать в одном согласованном и всеми одобренном варианте. А потом даже они пропадут. Зачем трагиться на разнообразие? Зачем вообще что-то делать, если существует одна оптимальная реакция и соответствующий ей результат? Самый лучший, максимально благоприятный и предсказуемый. Какой смысл в бесконечном воспроизводстве посредственности? Заметят ли люди момент, когда их не станет?

– Господин Кицум? – Клинт Иствуд помахал нелепо крошечной ладошкой, привлекая внимание. – Нам позвать врача?

– Нет, всё в порядке. Просто задумался. Видимо, в питательном растворе низкая концентрация глюкозы. Или чем там меня кормят... – проворчал Кицум, смерив гостей недобрый взглядом. – Знаете, ваше предложение неинтересно. Я не собираюсь провести остаток жизни в синтетическом дерьме. Проваливайте! – решительно потребовал он и закрыл глаза. Пусть всё катится к черту!

– Постойте! Но вы сможете обойтись и без этого дерь... имплантов! – поправился Иствуд. – Хотя бы дослушайте нас до конца.

– А что остается делать, раз вы еще болтаете?! – взорвался Кицум. – Я же не могу заткнуть себе уши!

– Понимаете, с момента вашего ареста многое изменилось, – торопливо продолжил Кларк Гейбл, опасаясь, что не успеет вывалить тщательно подготовленную презентацию. – Ваши идеи совершили социальную и технологическую революцию, перевернув представления о людях и вселенной!

– Эк, как оно вышло... – с сарказмом прокомментировал новость Кицум. – И что? Небеса разверзлись, а из зияющих дыр адская нечисть полезла?

– Нет. Она еще там... – озабоченно кивнули юристы.

– Кто? Нечисть? – оживился Кицум. – Что вы тут без меня натворили?

– Понимаете, никто так и не смог повторить ваш «кинотеатр»... – неохотно признался Клинт. – Но это и не потребовалось. Мы использовали некоторые из уже открытых вами «порталов в фантазии». Как оказалось, нужно только найти дверь...

– Идиоты... – пробормотал Кицум, закатывая глаза. – Вы так и не поняли, куда ломитесь! За ними отнюдь не фантазии!

– Мы нашли пересечения «нор сновидений». «Пространственные пузыри», как это назвали, образовывали общие зоны и даже миры, где...

– Водятся пренеприятные твари? – со злорадным смешком подсказал Кицум. – Так не ходите, в чем проблема? Я вот туда даже не заглядывал. Мне хватило предбанника.

– Спрос рождает предложение. Дело в том, что многим там нравится, – пожал плечами Клинт Иствуд. – Конечно, если условия открытого измерения им подходят. Правительство вынуждено было запретить доступ к нескольким перспективным проектам из-за нашествия кошмарных существ. Чудовища как-то умудрялись взламывать и заселять миры, которые мы уже считали нашими.

– Думаете, они ваши?

– А чьи же еще? – искренне возмутился Кларк Гейбл. – Найти их было невероятно трудно. Ворота в эти «астральные аттракционы» принадлежат всему человечеству. Поэтому их доверили самой влиятельной корпорации. Мы честно выиграли тендер, и теперь это наша коммерческая собственность. Подобрали ключ, настроили точку доступа и отправляем смельчаков в очень недешевое «сновидение».

– Наверняка монстры со своей стороны сделали то же самое, – усмехнулся Кицум, представив эту картинку воочию. В очередях за билетами те выглядели бы презабавно. – Вы ведь этого и хотели, верно?

– Всё хорошо в меру. Люди любят интересно провести время. Но не в крошечном же аду! – воскликнул в сердцах Клинт, дождавшись от Кларка паузы для своей реплики. «Два молодца из ларца» дисциплинированно говорили по очереди. – Понятные правила, небольшое число чудищ и стилизация под средневековье и магию – вот что всем надо. Монстры охотятся на нас, мы на них. Всё честно, безопасно, и клиенты довольны.

– А-а-а... Провайдеру выгодно, чтобы люди там дохли как мухи, но не теряли интереса к миру. Нечто вроде онлайн-игр, правильно? – предположил Кицум.

– Да, очень похоже. И почти так же комфортно. «Погибнув», человек спокойно просыпается в своем физическом теле. В следующий раз ему приходится покупать новый билет и начинать всё сначала.

– Вы так и не поняли сути, – презрительно хмыкнул Кицум. – Он там действительно умирает, а тут столь же реально рождается. Но уже во взрослом, «кармически подходящем» теле, если оно еще исправно.

– Мы предполагаем, что переносится только сознание, хотя действительно не понимаем, как это работает... – признался Кларк Гейбл.

– Ничего никуда не переносится. Скорее, это можно назвать «перекоммутацией узлов в поле сознания». Это примерно, как новогодняя гирлянда в параллельном подключении. Напряжение общее, а цвет зависит от свойств той или иной лампочки. Это даже нельзя назвать реинкарнацией, за отсутствием мирно почившего «кармического путешественника». Наследуются только его сравнительно устойчивые качества, а иногда информация.

– Спасибо, яснее не стало, – иронично отметил Клинт Иствуд. – Достаточно, что этот, несомненно, таинственный и сложный эффект приносит хорошие деньги. Недавно мы нашли новое измерение, которое аборигены называют «Шесть Лок». Настоящая жемчужина – мироустройство почти полностью копирует классику ММОППГ.

– Эту «кроличью нору» исследовали люди с геймерским стажем?

– Конечно! – почтительно кивнув, подтвердил он. – Наши ученые тщательно изучили ваше наследие и потому искали подходящий по параметрам мир. Сканер синхронизировали с мозговыми волнами специально подобранной группы топ-игроков.

– Тогда всё понятно. Так зачем нужен я? – нарочито небрежно осведомился Кицум.

– У нас возникла проблема. Многие не возвращаются, – после короткой паузы ответил Кларк Гейбл. – Пропавших всё больше, а уход за их телами стоит недешево. У нас отберут лицензию и сразу прикроют, если выяснится, что хоть один клиент не вернулся. Никто не понимает, что происходит.

– Так спросите у тех, кто проснулся. В чем проблема?

– Там что-то случилось. Мы потеряли контроль над воротами в «Шесть Лок». Теперь они обнуляют память человека на выходе. А возможно, и на входе. Люди не помнят ничего из того, что с ними произошло. Тестируя и изучая возможности мира, наши специалисты там побывали друг друга, но не успели ничего понять. Ворота сломались.

– Хм... интересно. Подобное может случиться из-за «рассогласования кодеков», как я это назвал... – задумчиво предположил Кицум. – Наше земное тело слишком фонит. Если уменьшить, а лучше вообще исключить его влияние...

– Вот видите! Вы сразу поняли суть проблемы! – хлопнул Кларк в ладоши. – Инженеры сказали то же самое. Обусловленность физическим телом – вот что мешает сохранить память. Нам нужен человек, у которого она минимальна. К тому же эти «норы» пробивали именно вы.

– Так вы хотите отправить меня через ваши «ворота»? – хмыкнул Кицум, начиная подзревать настоящую причину потери значительной части его внутренних органов. – Надо посчитать. Боюсь, мое тело слишком тяжелое даже сейчас.

– В вашем случае это не такая уж большая проблема, – горячо заверил его Клинт. – Наши ученые уже всё просчитали. Оставим только головной и спинной мозг. «Ум в банке», как они выражаются. Всё остальное вернем на место, как только найдете способ восстановить ворота.

– Я полагаю, добровольцев на «разборку» вы не нашли? – усмехнулся Кицум.

– Вы правы, – неохотно подтвердил Кларк. – Операция сложная, а у вас такой опыт... Никто не хочет проверить теорию на себе. Но вам-то терять нечего. К тому же это единственный шанс существования в столь минимальной комплектации.

– Допустим. И что можете предложить за то, чтобы я разобрался во всем?

– Пенсию. Пожизненное содержание. Самые лучшие импланты, если надумаете их поставить.

– Пять процентов акций и пост вице-президента. Скорее всего, у вас до сих пор нет специалиста моего уровня.

– Полтора, и место в правлении! – выпалил Клинт Иствуд. – Эта премия согласована с руководством.

– Так меня хотели надуть? – возмутился Кицум.

Впрочем, можно было и не спрашивать. Он бы всё равно согласился. Всё лучше, чем гордо сдохнуть или коптить небо заводной куклой. В этом мире его ничего больше не держит. Будет интересно посмотреть, что творится в другом.

– Никто не хотел вас обидеть, но мы обязаны оптимизировать расходы. Слухи разносятся быстро, и корпорация начала терять деньги. Желаящих отправиться в «сновидение» становится меньше, – развел руками Кларк, пихнув локтем «братца».

– А вы до сих пор отправляете туда людей? Даже не понимая, что их там ждет?

– Мы предприниматели и хорошо знаем, как всё устроено, – Клинт смерил партнера недобрый взглядом, видимо, не собираясь оправдываться. – Еще Карл Маркс сказал: «При ста процентах прибыли капитал попирает все законы, а при трехсот нет такого преступления, на которое он не рискнул бы пойти под страхом виселицы».

– Я вас понял, – кивнул Кицум. – Ладно, согласен.

– Отлично! – мужественные лица «братцев» расцвели широкими белозубыми улыбками. – Контракт готов. Заберем вас завтра. Какое-то время уйдет на подготовку к операции. И мы очень признательны, что вы доверяете нам, и...

– Достаточно! Всего хорошего. Мне нужен отдых, – Кицум закрыл глаза, чтобы хотя бы так убрать из поля зрения пару придурков.

Он действительно устал и, расслабившись, позволил себе соскользнуть в уютную темную бездну. Там, где нет ни Кларков, ни Клинтов, ни их контрактов.

4

– С возвращением! – злорадно хихикнул старичок в высокой остроконечной шляпе, которые, как известно, всегда носят потомственные волшебники или астрологи. Впрочем, она была единственным предметом одежды. Ее отлично заменял серый и плотный – не по возрасту – мех. Вероятно, это существо тщательно за ним ухаживало.

– А что, я здесь когда-то был? – Кицум с сомнением посмотрел на свои полупрозрачные щупальца – слабые и дрожащие, будто из плохо замерзшего холодца. Новая внешность стала неприятным сюрпризом. Он больше не человек. К этой мысли предстоит привыкнуть.

– Расслабься, дружок, – покровительственно похлопал по тентаклям пушистик. – Это Храм Темных Духов. Ты свой срок отмотал, а амнезия нормальна. Как воскреснете, так ни хрена не помните. Слово дети малые...

– Нет, почему же... помню! – гордо заявил Кицум. Ему хотелось поставить старичка на место. – А вы кто?

Тот выглядел, мягко говоря, необычно: шерсть, слезящиеся глаза, морщины, безволосое лицо и глупый колпак. Это сердитое и одновременно комичное существо напоминало пушистого ворчливого гнома, а Кицум вовсе не жаждал занять в этой дыре вакансию Белоснежки.

– Тот, кто встречает таких, как ты, неудачников. Тех, кто просрал всю свою ману и бесславно сдох, как собака. А ведь дух – это венец эволюции! Мы рождены, чтобы править!

«Дух», «мана»? Кицум пока мало что понимал, но с этой «шиншиллой в шляпе» лучше вести себя осторожнее. В холодных темных храмах обычно водятся пренеприятные твари. Этот, похоже, еще и заброшенный: пыльные фрески и витражи с эротическими картинками, опрокинутые стулья, затянутые паутиной, и зловещего вида алтарь с довольно спорной скульптурой. Козломордый сатир и горгулья сладострастно слились в недвусмысленной позе, а гипертрофированные гениталии выдавали стремление к восхвалению всех видов порока.

– А что, за отсутствие маны здесь так жестко наказывают? – покосился на статуи Кицум, пытаясь свести концы с концами. Неужели он действительно жил здесь раньше?

– Конечно, наказывают. Примерно так же, как выпрыгнувшую на берег рыбу – воздух безжалостно мстит ей за глупость! – прыснул в кулак старичок. – Дух без маны не живет, идиот! Без нее он покойник.

– Хотите сказать, я всегда был духом? А моя человеческая жизнь лишь сон разума, господин?..

– Дюббук. А бардо отсидел в людском облике, что ль? – недоверчиво прищурился тот. – И вот прям всё помнишь?

– Я помню себя человеком. А вот духом не помню... – Кицум жалобно потряс щупальцами, не веря, что это скользкое богатство принадлежит ему.

– Чудны бездны адских миров, упаси Мать Теней от такой участи... – пробормотал Дюббук под нос и ойкнул, выдернув пучок волос из левой ноздри. – Заговор, чтоб не затащило туда... – ворча, пояснил он. – Страшно, небось, было побыть человеком-то?

– Да нет... Как-то привык, – смутился Кицум. Ему почему-то вдруг стало стыдно.

– Во-о-от! Это и есть самое страшное. Привычка! – старик грозно потряс указательным пальцем. – В каждом из нас зреет мерзкий червь человечности. Порядочный темный дух обязан извергнуть из себя скверну гуманизма! Ибо нет греха больше, чем подобная избирательность. Чем монстры хуже? Вредить, так всем! Любить, так насмерть!

В чем-то он был прав. Гуманизм утверждает ценность человека как личности, его право на свободу и счастье, но ничего не говорит о существах, которые его окружают. Скорее, именно за их счет он и провозглашает столь выгодные для себя добродетели. У остальных наверняка имеется собственный взгляд на эти «вечные ценности».

– Ясно. Где-то есть еще и светлые духи? – спросил Кицум, тревожно оглядываясь. К счастью, белокурые рыцари на розовых пони, видимо, пускали радужные пузыри в храмах почище.

– Куда же они денутся-то? – зло сверкнул Дюббук глазками. – Есть, конечно. Имя им легион! Впрочем, в наше смутное время всё смешалось. Теперь это только вопрос самоидентификации. Ну, и точки респа, разумеется. Вот ты, к примеру, воскрес здесь, а значит, традиционной ориентации.

– То есть я злой дух, правильно? – поспешил уточнить Кицум принципиальный для себя момент. В своих фильмах он всегда выбирал «темную сторону силы», а особенно хорошо чувствовал себя в прожорливых многотонных монстрах.

– Скорее, глупый, – проворчал старик, смерив скептическим взглядом. – Начни с малого – обидь кошку. А истинной злости предстоит еще научиться. Задатки вроде бы есть. И это неплохо. Хоть что-то неизменно в этом мире бушующем... После семнадцатого тут ангел крылья сломит!

– Семнадцатого? – ошарашенно спросил Кицум, пытаясь выстроить в хоть какую-то систему хаотичные куски информации. Он толком так и не пришел в себя. Его словно несло в стремительном горном ручье, переворачивало вверх тормашками и било головой о камни. – Вы про Октябрьскую революцию?

– После семнадцатого императора, бестолочь! – старик подобострастно поклонился портрету человека в военном мундире. Под картиной тотчас вспыхнули черные свечи. – Кстати, отличная иллюстрация, чего может добиться энергичный и амбициозный дух. Бездонный океан маны, безграничная власть. Причем уже не над одним человеком, а над целыми странами!

– Что-то он бледно выглядит... – засомневался Кицум, оценив дряблое и безвольное лицо императора. Белый скакун, сабля, роскошные эполеты, но глаза потухшие и бесконечно усталые. И этот человек управлял целым миром?

– Не туда смотришь, кретин! – Дюббук по-стариковски суетливо всплеснул лапками. – На его плечо гляди!

И правда – там величественно восседала маленькая уродливая лягушка. В бородавках, золоте и шелках. И вот ее взгляд был действительно царственным. «Жаба давит» – это выражение подходило как нельзя лучше. Кицум теперь понимал подавленность несчастного императора.

– Видишь, где настоящий король, а где вкусный корм? Всегда зри в корень. Дух – это звучит гордо! Мы есть, но никто нас не видит! Как думаешь, почему одержимых людей называют «духовными»?

С этим трудно не согласиться. Кицум знал людей, с которыми происходили резкие и необъяснимые перемены. Первые симптомы почти всегда одинаковы: нездоровый блеск в глазах, категоричность и неумное желание нести в массы горячечный бред с претензией на высокодуховные истины. Порой там действительно встречалось рациональное зерно, но неугасимое желание донести его до ближнего распугивало потенциальную аудиторию не хуже проказы.

– И как работает такой симбиоз? Как контролировать «корм»?

– По-разному. От полного подчинения, как любят темные духи, до пассивного подбирания «крошек со стола», чем обычно занимаются светлые. Способ управления зависит от особенностей самого «наездника». Некоторым приходится физически встраиваться в лимфатическую и центральную нервную систему, – Дюббук бросил брезгливый взгляд на тентакли Кицума, – другим достаточно нашептывать так, чтобы жертва считала эти мысли своими.

– Значит, у духов есть расы и классы? – предпочел уточнить Кицум, вспоминая азы игровой механики. Если Клинт с Кларком не ввали, то с адаптацией не должно быть особых проблем. На ММОППГ потрачена немалая часть ветреной юности.

– Возможно, расы, но не класс. Дух – это сама твоя суть. Приручишь лучника – будешь лучником, рыцаря – рыцарем. Только с варлоками осторожнее. С ними изредка и наоборот получается, – рассмеялся Дюббук, потешаясь над тем, как у его гостя округлились глаза. – Да не дрейфь – тюргарцев мало осталось. И опасайся баньши – их визг на нас плохо влияет.

– Понятно. Так мы что-то вроде паразита...

– Не паразита, дурень, а хозяина! – вскипел старик, топнув ножкой. – Наездник указывает лошади, куда скакать и что жрать. Главное – держать ее в чистоте и не загнать до смерти.

– Простите, я понял, – кротко согласился Кицум. – И где такая конюшня? И что мне еще надо знать?

– Информация стоит денег, а положенный минимум тебе уже выдан. Будешь арендовать гида? – Дюббук неожиданно проворно взмахнул рукой, словно поймал насекомое. – Вот, смотри! Фенечка-феечка!

Подогревая интерес клиента, он медленно раскрыл ладонку. В ней и впрямь была муха. А через секунду она села на задние лапки и трансформировалась в крошечное и прелестное существо. Красиво прогнув спинку, оно томно потянулось, мягко хлопнуло крылышками и призывно улыбнулось Кицуму.

– Ест по зернышку в день, болтает без умолку, но капризна и эмоционально нестабильна. Сексуальных услуг не оказывает, зато знает всё о локации. Само очарование, умный собеседник и толковый путеводитель. Стоит сущие копейки, – Дюббук неприятно чмокнул губами, расхваливая живой товар.

– И почему такое сокровище? – осторожно осведомился Кицум, подозревая подвох.

– Пятьдесят маны сразу и по десять за каждый день аренды, – небрежно кивнул старик, всем видом показывая слабую заинтересованность в сделке.

– А сколько у меня есть сейчас?

– Всмотрись в себя и почувствуешь. При воскрешении дух получает ровно сто. Пять уже потратил, пока со мной разговаривал, – злорадно усмехнулся Дюббук.

– Это как? – заволновался Кицум и закрыл глаза, пытаясь заглянуть в себя мысленным взглядом. С обратной стороны век будто высветились цифры – «девяносто пять».

Что за черт? Он болтал-то всего несколько минут! Надо убираться отсюда. Нудный старикашка заговорит до смерти!

– Эй, тут я ни при чём, – предупредил тот его возмущение. – Мана утекает естественным образом. Ты должен восполнять ее из обьеженных жертв. Иначе высохнешь и снова сдохнешь. Волка ноги кормят.

– И где ловить своих жертв? – заторопился Кицум, чувствуя, как внутренние часы тревожно тикают.

– В городе без толку. Тут все «кони» заняты. Можно убить или вызвать на дуэль духа-наездника, но ты пока маленький. Проще купить на аукционе какого-нибудь бодренького новичка. На городской площади стоит портал «Чудо Рождения». Из него в наш мир прут «туристы». Похожи на обычных людей, не отличить. Вот там всегда толпа голодных духов. Выбери, кто понравится, и седлай. Разберешься на месте, не маленький.

– Спасибо, я побежал! – Кицум развернулся и, неуклюже переваливаясь на шупальцах, направился к выходу.

– Стой! Так будешь гида брать? – раздосадовано крикнул Дюббук.

– Подумаю. Зайду, если что! – отмахнулся новоиспеченный дух, выбегая из храма.

– Не верь никому! Кругом одни мошенники! – донеслось уже в спину.

Старик не соврал. Не успел Кицум выйти за дверь, как его окружила толпа диковинных существ, наперебой предлагавших свой товар и услуги. Причем значительно дешевле Дюббука. Чудища, словно сошедшие с картин Босха, обступили со всех сторон, едва не втоптав в пыль.

К счастью, новое тело оказалось упругим и эластичным, позволив протискиваться в щели даже между очень назойливыми продавцами. Заблудившись в складках, Кицум едва не вполз внутрь одного из них, но, почувствовав неприятный запах, вовремя свернул в сторону.

Ассортимент предлагаемых феечек был широк, да и просили за них от пяти до восьмидесяти маны в зависимости от функциональности, хотя и без ежедневных выплат. Правда, большинство выглядело порядком поюзанными, усталыми и неопрятно одетыми. У многих не хватало крылышек или лапок, некоторые зловеще молчали, а другие, напротив, истерически смеялись, что было еще страшнее. Как обычно, банальное сутенерство, нелегальщина и контрабанда.

Запомнились несколько многообещающе-милых малюток в пикантных нарядах. Заметив интерес, продавцы их больно щипали, и те послушно пищали, страдальчески протягивая ручки. Эти вопли едва не разжалобили, но, сделав значительное волевое усилие, Кицум решил до аукциона не тратиться. Разумнее сначала приобрести «коня», чтобы получить стабильный доход маны, но о его стоимости оставалось только догадываться.

Духи-спекулянты разочарованно загудели вслед, но Кицум, не оборачиваясь, поковылял вперед, не удостоив жестокосердных барыг взглядом.

Бедняги не знают, что к ним снизошел темный гений. Причем с тайной миссией. Правда, он не собирался ее выполнять, хотя понимал, в чем могла заключаться проблема. Это не было сделкой – это побег. А скорее, возвращение из долговременной ссылки.

Что же... корпоративные недоумки так и не разобрались с его открытием. Тем лучше. Мосты сожжены. Он никому ничем не обязан. И пусть остаток бывшего тела плавает в банке – оно больше не нужно. Кицум не собирался в него возвращаться.

Он шустро перебирал тентаклями и чувствовал себя так хорошо, как никогда раньше. Перед ним лежал родной для него мир, который предстояло только вспомнить и безжалостно завоевать. Пригревшаяся на императорской груди жаба должна уступить место!

5

Городскую площадь он увидел издалека. Улица, на которой располагался Храм Темных Духов, упиралась прямо в нее, но вот преодолеть эти пятьсот-шестьсот метров оказалось непросто.

Оторвавшись от возбужденной толпы продавцов, Кицум аккуратно спустился по слишком большим для себя ступенькам – и едва не вернулся на Землю. Колеса проехали в сантиметрах от шупалец, чудом не намотав их на ось.

Чертова карета! Ослепли тут, что ли?!

Злобно выругавшись, он вспомнил, что духи невидимы. К несчастью, кошки об этом не знали и яростно шипели на него, привлекая внимание к пустому для остальных месту. А «остальных» по улице сновало немало – люди, лошади и злые от голода, худые собаки. Последние Кицума не видели, но явственно чувствовали. Бегая кругами, они тревожно принюхивались, словно новорожденный дух пах парным молоком, точно теленок.

Нет, своим ходом до площади не добраться. Кицум отчетливо осознавал потенциальные риски и потому не решался оторвать от бордюра тентакли. На грубой брусчатке даже случайное столкновение размажет по мостовой, как кисель: студенистый головоногий совершенно не приспособлен для сухопутного марша.

Как угораздило воскреснуть в столь неудобном теле? Его стихия вода! Он сотрет себя до кровавых мозолей, прежде чем доберется до цели.

Черт бы всех тут побрал! Варварское, нецивилизованное измерение! Ни такси, ни ливневки, по которой можно быстро доплыть до площади. Разве что попробовать через канализацию...

Решив оставить этот вариант напоследок, Кицум напряженно ворочал глазами, всматриваясь во всё, что шло и ехало мимо. К сожалению, потенциально доступный транспорт был занят. На шее или голове каждого человека надменно жмурился дух-наездник, не собиравшийся уступать бездомному свой драгоценный плацдарм. Но были и те, кто путешествовал самостоятельно – между людских ног, колес и конских копыт деловито шмыгали уверенные в себе существа.

И ведь все, как один, темные! В однородно злобном социуме есть явные минусы – паразитировать легче на светленьком, но где его взять? Жизнеспособная и математически устойчивая модель мира требовала наличия доброты. Значит, она наверняка где-то есть, просто пугливо затаилась и прячется. Надо лишь поискать!

Едва ли злые духи отличались щедростью и широтой души. Скорее всего, их спрашивать бесполезно, а другие его просто не видят. Да и он слишком горд, чтобы молить о помощи. Разве что вернуться и купить феечку?

Нет!

Ступеньки слишком высокие, карабкаться вверх неудобно. Он будет выглядеть нелепым и жалким, а это запомнят. Кицум не мог себе позволить публичное унижение и пятна на репутации. Его должны бояться, а смех – худший враг страха.

Рано или поздно духи умирают и появляются в храме, а значит, похожие проблемы у всех. В его ситуации нет ничего необычного. Пожалуй, тут подойдет аналогия с виртуальными играми. На старте логично сэкономить на спутнике, чтобы получить выигрыш в более дорогой «лошади».

Или нет? Сколько она может стоить?

Вжавшись в ступеньку, Кицум напряженно размышлял над решением. Оно не должно быть слишком сложным. Скорее, напротив, настолько простое, что мозг его игнорирует. Надо

лишь мысленно снизить с ментальных вершин до уровня обывателя. Куда бы посмотрел ограниченный и приземленный ум, страдающий от посредственности?

Он бы взмолился.

Его утомленный взор обратился к небу, и оно благодарно отозвалось, послав знак. Обыкновенный дорожный знак. Выглядел тот совершенно обычно: красная стрелка вверх на белом фоне (одностороннее движение, видимо, актуально даже в мире лошадей и карет), но наконец-то Кицум смог понять его правильно.

Примерно на уровне второго-третьего этажа обнаружилась прозрачная, мерцающая огнями дорожка, которую поначалу принял за иллюминацию. Невидимый для людей уровень дублировал тротуары, дабы духовно возвышенные существа не толкались спинами с простыми смертными и безопасно поплеывали на них сверху.

Открытие воодушевило, и Кицум похвалил себя за проницательность. Местная инфраструктура не так плоха, как показалось вначале – едва заметные пылевые вихри использовались как эскалаторы. Наверху было уже не так оживленно, а празднично шатающиеся духи не обращали на новичка никакого внимания.

«Девяносто два» – безжалостно отстучал внутренний «метроном», и Кицум торопился, перебирая щупальцами с максимально возможной скоростью. С каждой минутой жизненный капитал таял, а испытывать судьбу в очередном кармическом воплощении ему не хотелось. Не факт, что следующий срок в бардо пройдет хотя бы в человеческом облике.

– Не спешите! Портал закрыт до полудня. Не хотите ли выслушать на редкость выгодное предложение? – вдруг прокаркало сбоку.

Кицум был вынужден остановиться, уверенный, что перед ним аферист. Взъерошенный комок меха и перьев на длинных лапках – нечто среднее между енотом и цаплей. И что это страшилище хочет?

– Проведу обзорную экскурсию, пока есть время. Учителя крафта, скиллов и навыков. Статуя Святой Нимы, торговые лавки, банк, почта и аукцион. Квартал людей, монстров и духов. Быстро, доходчиво и почти бесплатно... – затараторила химера. Ее единственный глаз светился алчностью и надеждой.

– Избавьте от ваших забавных афер, милейший! – холодно процедил Кицум и сделал шаг в сторону, чтобы обойти наглеца. Ничего нового под луной – миры разные, а мошенники те же. Портал наверняка работает, а плут получит бонус со всех лавок, по которым протащит клиента.

Маневр не удался. Существо проворно отпрыгнуло и вновь заслонило дорогу, явно напрашиваясь на неприятности. Кицум раздраженно оглянулся в поисках стражи или «духовной полиции». Она обязательно должна здесь быть, иначе бы не делали «предложений», а просто ограбили. Без грозного надзирающего ока социум в столь темной среде сразу бы самоуничтожился.

А если всё же никого нет? Как тут принято поступать в таких случаях? Вызвать на дуэль хама пучком вялых щупалец?

– Я понял-понял. Ухожу. Не буду настаивать, – смиренно произнесла тварь, озираясь. – Семью кормить надо, брат умирает, борща просит. Пожертвуйте пять-десять мань на удачу...

Ага, значит, всё же боится...

Грубо отпихнув попрошайку, Кицум невозмутимо продолжил путь, аккуратно оглябая проходивцев, обшаривающих новичка жадными взглядами. Но один из духов всё же сумел привлечь внимание.

Анемичный гуманоид протянул на ладони деревянный, украшенный затейливой резьбой, гробик. Существо выглядело обескровленным, больным и усталым, а вот товар производил впечатление магической и, несомненно, дорогой игрушки. Благородный темный лак мягко светился, намекая на драгоценное содержимое.

Зачарованный красивой вещицей, Кицум невольно остановился, с любопытством наблюдая, как продавец бережно открывает гробик. Внутри безмятежно спала феечка. Короткое нежно-розовое платьице в рюшах, черные крылышки, растрепанные белые локоны – не справочник, а невинный ребенок. Вместо заколки темные очки, наподобие тех, что давным-давно носили летчики или комбайнеры.

– И сколько стоит? – почему-то шепотом спросил Кицум, словно боялся разбудить девочку. Как оказалось, гид всё-таки нужен. Бесплатных уроков тут не дают, а ошибка может дорого стоить.

– Для вас даром. Отдам просто так, – слабо улыбнулся гуманоид, точно любое движение давалось ему с невероятным трудом. – Это особенный спутник. Потом сами поймете.

– С чего вдруг такая щедрость? – подозрительно прищурился Кицум.

Конечно, дареному коню в зубы не смотрят, но необъяснимое великодушие слегка беспокоило. А, впрочем, неважно. Подарок всегда можно выкинуть.

– Это гид столичной локации, а я ее уже перерос. На аукцион нужен залог, да и отдавать малышку кому попало не хочется, – смущенно пояснил продавец, пряча глаза. – А в вас угадывается нечто величественное. Так и быть – забирайте!

– Не переживайте, я не буду ее обижать, – растрогался Кицум, бережно принимая подарок.

Лесть прохвоста оказалась приятна. Впрочем, почему лесть? Наверняка чистая правда.

Глаза гуманоида довольно засияли. Только сейчас Кицум заметил, что его обступили духи-зеваки. Одни почему-то злорадно ухмылялись. Другие же, напротив, сочувственно вздохнули, словно жалея хозяина феечки. Ее нового хозяина.

Реакция старого тоже насторажила – на его щеках сразу же выступил здоровый румянец. Пятясь, продавец благодарно кланялся, выглядел совершенно счастливым и явно чувствовал себя лучше.

Слегка растерянный, Кицум спрятал в щупальцах гробик и поспешил к площади. Появилось стойкое ощущение, что его надули. К сожалению, он не мог понять, в чем именно. Феечка и даже гробик ему ничего не стоили.

«Девяносто один» – сканирование резерва маны не выявило. Так в чем подвох?

Кицуму не терпелось разбудить гида, чтобы задать массу вопросов, но интуитивно он чувствовал, что его ждет сюрприз. И, скорее всего, не самый приятный.

Нет, разумнее повременить и отойти подальше.

Найдя тихий закоулочек, где никого не было, Кицум открыл гробик и осторожно толкнул безмятежно спавшую девочку. Та лениво засучила ножками, сладко потянулась и непонимающе хлопнула ресницами, как только разлепила глаза. Они оказались ярко-зелеными как фонарики.

– Ты кто?

Вопрос застал врасплох. Вообще-то задавать их здесь должна не она.

– Так что тентакли растопырил? Зовут-то тебя как? – малютка вопросительно изогнула бровь.

– Кицум. Кажется, я твой новый хозяин, – неуверенно представился он, гадая, что за чудовище ему подсунули.

– Значит, Самурайчик слился втихую... – мрачно констатировала она, полируя ногти крохотной пилочкой. – Быстро месяц прошел. Не заметила.

Необычный для такой крохи сленг настораживал, но Кицум и так понял, что влип. Вопрос только в том, насколько серьезно.

– А почему...

Малышка улыбнулась и надвинула очки на глаза. Щеки поползли в стороны, и ротик разъехался от уха до уха, обнажив жуткую щель, полную острых зубов. Кицум рефлекторно

отшатнулся и попятился. Поздно – его пребольно тянули за неосторожно выставленное вперед щупальце.

Голову словно шандарахнуло молнией. В глазах потемнело, а на обратной стороне век тревожно замигала красная надпись: «Минус пятьдесят маны!».

Взревев от боли, Кицум закружился волчком, пытаясь стряхнуть с себя это исчадие ада. Но феечка и сама уже отпустила. Промокнув губки белым кружевным платочком, она тщательно вытерла кровь, потом аккуратно протерла очки и вернула их на обычное место.

– Еще не завтракала, – невозмутимо пояснила она, целомудренно поправив задравшийся подол платья. – Так что хотел новый хозяин?

– Так ты чертова кровососка! – прорычал Кицум. Он вытянул щупальце в обвиняющем жесте, но тут же, опомнившись, торопливо втянул его обратно. К этой зубастой сучке лучше ничего не протягивать. – Пошла вон, мелкая дрянь!

– Фу-фу, как вульгарно! – возмутилась малютка, беспечно болтая ножками. – Я не вампир, а благородный праноед! Но ману приходится извлекать из кровеносных сосудов. Итак: завтрак, обед и ужин четко по расписанию. Пятьдесят процентов за раз, округляю до пятерки в большую сторону. Кстати, предупреждаю сразу: избавиться от меня ты сможешь только через месяц. Если выживешь, конечно.

– Ах ты, кровожадная мерзость! Меня не предупредили! – яростно запротестовал Кицум и тут же заткнулся, увидев «внутренним взором» алую надпись:

«Репутация с Камеей понижена на девяносто шесть единиц. Срок привязки объекта продлен на два дня!»

– Получил? Качать права потребителя будешь в эльфятнике, – злорадно прошипела феечка. – А тут вольный город. К тому же предупреждение было!

– Да? И какое же? – проскрипел зубами Кицум, пытаясь успокоиться, чтобы еще не продлить срок аренды.

– Форма моей спальни! Чего ты еще ожидал от гробика?

В бессильной злобе Кицум сворачивал и разворачивал колечки из щупалец, понимая, что сам облажался. Эта злюка права. Погубила доверчивость и жадность к халяве, недостойная его темного лица. На пути к абсолютному злу предстоит еще многому научиться.

– Я понял, прошу прощения, – смиренно пробормотал он, втайне надеясь откатить репутацию с кровососками на прежний уровень.

Ничего не произошло. Феечка молча сидела на гробике, походя на обычную, надувшуюся от обиды девочку. Кицум вздрогнул, вспомнив, как эти румяные щечки разъехались в стороны. Чудное зрелище: легкомысленное розовое платье и прелестная детская головка, плотно набитая внутри зубами.

Вот же угораздило вляпаться! Тварь ополовинила ману. Причем продолжит отсасывать ее по три раза в день. Теперь только на нее и работать. Нечего сказать, здорово сэкономил. Как оказалось, и у духов могут быть свои «наездники». Эх, зря не купил цокотуху Дюббука. Сертифицированную и безопасную.

– Давай начнем сначала, – мягко предложил Кицум. – Тебя зовут Камея, правильно?

– Камея Илиясфиль фон Штраусс, – медленно и четко произнесла девочка. – И мне две тысячи лет, если что!

– А ведешь себя, как вредный ребенок! – не удержался Кицум.

– Мы есть то, что едим! – сверкнула глазами малышка. – А последнее время мне одни дебилы попадаются! Жаль, Самурайчика не доела...

– Хм-м... На этот раз тебе повезло. За следующий месяц твой интеллект поднимется до небывалых высот, – пообещал Кицум, едва не плача.

– Я как бы не против. Только не разочаруй ребенка, хозяин, – с сарказмом ответила феечка, прилежно расчесывая белые локоны. – Можешь звать меня Камеей. Или просто Ка. Правильно всё равно полное имя не выговоришь.

– Договорились, – обреченно кивнул он, смирившись с мыслью о месячном рабстве. – Вопрос первый: у меня есть нечто вроде сумки, куда я мог бы положить твой гробик?

– Подумай о ней и щелкни пальцами. Появится инвентарь на сто единиц веса и двадцать ячеек.

– Но у меня нет пальцев! – досадливо буркнул Кицум, подозревая, что над ним издеваются.

– Ну так назначь движение вызова. Щупальца там потри, или завяжи в узел, – ядовито предложила Ка.

На этот раз получилось. Гробик тут же отправился в инвентарь, где занял целых четыре ячейки.

Двадцать единиц веса... Кицум болезненно сморщился. А если выкинуть?

– Не получится! Тогда придется таскать в щупальцах, а у тебя их двенадцать. Тринадцатое полноценным органом назвать трудно, – мерзко хихикнула она.

– Постой! Ты что, читаешь мои мысли? – возмутился Кицум, краснея.

– Только самые тупые. А значит, почти сто процентов. Это удобно. Впрочем, за две тысячи лет не увидела ничего интересного. Всё одно и то же. Вы все одинаковы, – мрачно резюмировала Ка.

Ее реплика неприятно задела Кицума. Он демонстративно захлопнул крышку гроба в инвентаре. Негодующе пискнув, феечка моментально исчезла.

Язва! Врёт, поди... А если ее больше не вызывать?

«Репутация с Камеей понижена на двенадцать единиц. Срок привязки объекта продлен на шесть часов! Новый статус: неприязнь».

Черт! Черт!

От злости тело раздуло, точно воздушный шарик. Кицум с удивлением обнаружил, что щупальца заметно потемнели, словно окрашенные его внутренним состоянием. А если вдруг подобрееет, то станет сияющим и прозрачным? Это и будет мифическим «просветлением»?

6

Катастрофическая потеря маны висела как дамоклов меч, угрожая отправить в «банку» на Землю. Кицум прекрасно понимал, что неудача разочарует и насторожит корпорацию. Расчеты оказались верны – память сохранилась на «входе», но здесь у него уже полноценное тело. Значит, ее наверняка не будет на «выходе». Он не сможет ничего рассказать. И, что еще хуже – и сам не будет знать причин провала. Боссы же предпочтут не рисковать и, не спрашивая разрешения, упакуют столь ценного специалиста в импланты.

Во второй раз его сюда уже вряд ли отправят. Придется доживать там весь срок ссылки, гадая, что же здесь случилось. Презирать и ненавидеть себя, корпорацию и новое тело, которое, скорее всего, переживет разум. А хуже старческого маразма Кицум не мог ничего даже представить.

Нет, он так просто не сдастся. Конечно, теперь придется выбрать «коня» подешевле, но ничего страшного. Плохо только, что феечка в гробике висит тяжелым камнем на шее. Но выплыть еще можно даже с таким. Даже после далеко не идеального старта. Главное, чтобы финиш запомнили.

И потому Кицум бежал так быстро, как мог, боясь посмотреть, сколько маны осталось. Он будто кровоточил ей, а в уме словно отщелкивал часовой механизм, роняя на весы смерти каплю за каплей.

За углом помпезного желтого здания наконец открылась площадь, на которой величественно возвышался портал «Чудо Рождения». Колоннада статуй образовывала правильную пентаграмму, а в ее центре колоссальная арка обрамляла гигантское зеркало. Идеально чистая поверхность одинаково равнодушно отражала низкие облака, дома с красными черепичными крышами и внушительный караул тяжеловооруженных гвардов. А вот шумной толпы духов в отражении не было, хотя они гроздьями висели на деревьях, кустах и скульптурах.

Люди же не замечали ажиотаж духовного сообщества и вели себя естественно и непринужденно. Легко одетые улыбчивые девушки профессионально демонстрировали модельную внешность, дефилируя у столов со штандартами. Представители гильдий терпеливо ожидали новых рекрутов, а чуть поодаль стояла телега с пустой железной клеткой, видимо, для утешения. Взоры людей и духов были устремлены на портал, и Кицум торопливо занял место в толпе конкурентов, опасаясь пропустить следующую партию.

Вскоре по зеркальной поверхности пробежали легкие волны. Ее будто подсветили изнутри, и через несколько секунд оттуда вывалилась группа озирающихся и растерянных людей. Судя по виду, они пребывали в прострации, не понимая, где находятся и откуда пришли.

Толпа встречающих оживилась, и вперед вышел дородный детина с горбатым носом и квадратной челюстью.

– Добро пожаловать в измерение Шести Лок! – взревел он хорошо поставленным голосом. – Милостью светлого бога Ханувана вы призваны на сторону Империи, чтобы сразиться с Ордой – темным воинством Атмы, демоницы Хаоса и Похоти! Рекрутеры шести ведущих гильдий подскажут и объяснят, как выжить в нашем мире и получить статус наемника. Выберите одну из них, и лучшие из вас когда-нибудь пополнят ряды Императорской Гвардии! – Детина поднял руку и гордо продемонстрировал значок с белым лотосом.

– А что, если не хочу вступать в гильдию? – дерзко спросил кто-то из новичков. – Зачем сражаться против Атмы, о которой никогда не слышал?

– Тогда ты трус, дезертир и предатель! Такие тоже нужны! Их радостно встретят в песчаном карьере! – палец верзилы недвусмысленно указал на железную клетку.

Желающих отправиться туда не нашлось. Самые смелые пожали плечами и без особого энтузиазма разбрелись по гильдейским штандартам, где им что-то стали с жаром рассказывать.

Оставшиеся разбились на пары и тройки и молча ходили вдоль столов, подбадривая друг друга взглядами.

Как предсказуемо...

Кицум удовлетворенно кивнул, найдя подтверждение своей версии. Портал стал идеальным фильтром и надежно блокировал воспоминания на входе и выходе. Раз раньше такого эффекта не было, то кому-то он выгоден. К примеру, тем, кто пришел сюда раньше. Если «братцы» говорили правду, то первая партия сохранила память, а это им давало огромное преимущество: они знали, что ничем не рискуют. Их ждут родные тела в измерении, которое кажется им настоящим. Иллюзорность смерти мгновенно превращает мир в игру, хотя он столь же реален.

Логично предположить, что тот же фокус сработает и на Земле, но без личного опыта у человека не возникнет уверенности. Сомнение, незнание истины превратит бессмертное божество в скулящую от страха тварь. Жалкую и хорошо управляемую. Пожалуй, память – это супероружие. Она есть – ты неуязвим, а если ее нет – ты жалкий раб предсмертного ужаса. На этом контрасте, вероятно, и держится местная власть. А потому все, кто знает тайну, для нее нежелателен.

Кицум сильно жалел, что сболтнул Дюббуку про «бардо в человеке». Такой секрет сохранить трудно, поэтому его обладатель опасен. Императорская жаба могла быть одной из тех «первых», а беспамятство очищает грехи любой реальности.

Пока Кицум мысленно путешествовал по темным лабиринтам местной иерархии, новички, наконец, определились с выбором и стали подписывать свои контракты. А у духов только начиналось самое интересное. Над каждым человеком подвесили невидимый для него цветной шарик.

– Первый лот! – громогласно объявил представительный обезьян во фраке и с бабочкой. – Мужчина под красным. Начальная цена тридцать ман. Кто больше?

«Сорок пять!». «Пятьдесят!». «Сто двадцать!». «Двести!»

Кицум удивленно вытаращил глаза. Двести? Откуда, если поначалу всего сто, а ведь сюда еще надо добраться! А у него осталось лишь... Он закрыл веки, считая.

Тридцать восемь! Всего-то! Да этого даже на стартовую цену едва хватит!

Дрожащие от волнения щупальца торопливо кликнули на гробик в инвентаре. Тот материализовался, и его крышка как бы нехотя отъехала в сторону.

– Чего надобно, старче? – недовольно прошипела Камея, шурясь от света.

– Расскажи про торги! Откуда у них двести? У нас-то чуть больше тридцати!

– Не у нас. У тебя! – строго поправила Ка. – Маны нет? Сам виноват. Нечего было феечек взглядом облизывать!

– Да сдались вы мне! Я гида брал, а не вамп... «благородную праноедку»!

– Так, возьми микро-кредит, педофил несчастный. Видишь того жирного слизняка под фикусом?

Кицум проследил за ее пальчиком и обнаружил рыхлое каплеобразное существо, задумчиво созерцавшее ход торгов на площадке. Два мрачных слизняка за его спиной настороженно вращали усиками-антеннами, видимо, отвечая за физическую безопасность босса.

– А какие проценты? – нервно заерзал Кицум, оценив устрашающий внешний вид кредиторов.

– Пятьдесят.

– В год?

Ему не терпелось укротить свою первую «лошадь». Сумма-то небольшая, при стабильной ренте ее быстро можно отбить.

– В день. Пятьдесят процентов от твоей маны, пока не отдашь всё! – злорадно поправила Ка. Хитрые глазки сияли от счастья.

– Но это же физически невозможно! Ты и так забираешь у меня больше, чем всё! Сто пятьдесят в день! – взвизнул Кицум, негодуяще потрясая тентаклями.

– Твои проблемы. Война войной, а обед по расписанию. Кстати, мой уже скоро.

– Буду сдыхать, залезу в выгребную яму! Туда за тобой никто не сунется! – угрожающе прорычал он, нащупав слабое место. Девчонка чистенькая и наверняка брезгливая. – Следующие две тысячи лет проведешь в дерьме, пуская пузыри и вспоминая, как выглядит солнце!

«Репутация с Камеей увеличена на двадцать четыре единицы. Срок привязки объекта сокращен на двенадцать часов. Новый статус: нейтральный».

– Ладно, остынь, мягкочленный. Всё не так плохо, – успокоила Ка. В ее взгляде впервые проскользнула тень уважения. – Да, лучшие особи тебе не по карману. Подождем немного, вдруг задохлика какого оставят. Чуть подкачаешься и пересядешь.

– А разве так можно? – удивился Кицум. – Они же все будут заняты!

– Так ты мужик или тряпка? – подняла бровь феечка. – Перекупить, обмануть, вызвать на дуэль, просто убить – мне рассказывать все варианты? Некоторые умудряются договориться с «конем», чтобы тот скинул «наездника».

– Они же нас не видят, не слышат?

– Кого-то слышат, кого-то нет, – пожалала Ка плечиками. – Шизофрения дар, а не болезнь. К сожалению, мало кто способен его с толком использовать.

Новая информация вселила надежду. Кицум немного успокоился и стал терпеливо ждать своего часа. Первую партию попаданцев разобрали очень быстро. Меньше пятидесяти цена так и не опускалась. Не опустилась она и на второй группе. И даже на третьей.

«Тридцать пять» – в очередной раз констатировал про себя Кицум, всё больше мрачняя. Опустится меньше тридцати, и он труп. На выживание не останется даже теоретических шансов. А ведь кровососка не шутит. Обед действительно скоро. Только не в «банку»! Пусть тогда уж сосет всё. Лучше сразу же сдохнуть!

«Последний лот! Тридцать!» – объявил глашатай, показав на дрожащего и бледного подростка. Сорок килограмм веса на тоненьких ножках. Почти зародыш: чихнет – и помрет от испуга.

– Тридцать два! – прошептал Кицум, особенно ни на что не надеясь. Духов много. Заберут даже этого страшненького.

– Тридцать два! – услышал его обезьян. – Ставки еще будут?

Насмешливое молчание. Неужели?

«Тридцать два, раз!» – стукнул молоток, наполняя Кицума светом надежды.

– Пожалуйста, уступи! Второй день стою. Тридцать маны всего... Я умру, умру... – вдруг жалобно прорыдало пушистое шарообразное существо, протягивая к нему лапки.

Сдурело, что ли?! Пошло нахрен! Да я сам сейчас сдохну! Это единственный шанс!

Цепочка возмущенных и стремительных мыслей пронеслась в уме, не вызвав ни капли сочувствия. Кицум презрительно скривился, не отрывая жадного взгляда от вожака цели. Эта жалкая человечина только его!

«Тридцать два, два!»

«Пожалуйста, пожалуйста! Мне так страшно...»

«Тридцать...»

«Снимаю ставку!» – изумленно услышал Кицум свой вопль.

– Беру за тридцать! – с благодарным воем тварь бухнулась ему в щупальца.

«Репутация с Камеей увеличена на сто девяносто две единицы. Срок привязки объекта сокращен на четверо суток».

– Идиот! Тупой идиот! – возопила феечка, потрясая крошечными кулачками. – Беги к тому красному дому! Живее!

Переспрашивать уже некогда. Она права. Идиот не мог быть Черным Властелином. С этим придется смириться.

Не сомневаясь в диагнозе, Кицум помчался сломя голову в подсказанном направлении. Видимо, и местные боги были ошарашены его глупостью, и потому позволили безнаказанно прошмыгнуть через частокол человеческих ног. Двигались те быстро и непредсказуемо, но неожиданно прыгучий комок щупалец преодолел и эту смертоносную полосу препятствий.

«Хватай!»

Новая команда заставила бездумно вцепиться в пролетающий мимо конский хвост. Всадник спешил. Кицум подлетал в такт ударам копыт и больно бился о мускулистую лошадиную задницу. Он ничего не видел. Улица размылась в неясную серую полосу.

«Отпускай!»

Послушно выполнив новое указание, Кицум понял, что летит по параболе.

Глухой шлепок падения во что-то мягкое и подозрительно теплое. «Двадцать – два!» – проревело откуда-то сбоку. Глаза протереть не получилось – щупальца эту зловонную кашу только размазывали.

«Двадцать – трр...»

– Двадцать пять! – завопил он вслепую, понимая, что находится на аукционе.

Интересно, кем здесь торгуют? Хотя уже неважно. Мана кончалась. Сейчас его устроил бы и хромой таракан. Впрочем, в голове и своих с избытком. Как можно было так облажаться с «подарком»?

Кицум безмолвно взвыл, не в силах простить себе той секундной слабости.

«Трр-ри! Ставок больше нет. Продано головоногому!»

Он облегченно выдохнул. Кого-то всё же купил. Тело возмущенно гудело, остывая от неожиданных перегрузок в вонючей и вязкой субстанции. Скорее всего, свежий конский навоз. Такой запах ни с чем не перепутать.

– Ка? Ты здесь? – щупальца скользили, и вызвать гробик щелчком не вышло.

– Не вздумай меня сюда вываливать! – рассержено прошипело из инвентаря.

– Помоги сориентироваться! Ни хрена не вижу! – промямлил Кицум.

– Ползи прямо! Там фонтан!

Отлично! Кицум доверчиво посеменял вперед и, спеша избавиться от вьезшейся вони, развил приличную скорость. А через несколько шагов поплатился за самоуверенность. Впечатавшись в ограждение, его тельце едва не превратилось в блин.

Пространство ожидаемо взорвалось унизительным хохотом: «Куда прёшь, ктулху? Бери правее, вонючий!».

Реакция окружающих привела в бешенство. Мир скуп на доброту, но щедр на боль – физическую или ментальную. Это ни хорошо и ни плохо. Просто так он устроен.

Прохладная вода оказалась истинным раем. В ней Кицум почувствовал себя почти богом. Неуклюжее на суше тело наконец обрело ловкость и силу. Он плескался, точно ребенок, смывая грязь как внешнюю, так и внутреннюю. Ум наполнялся медитативным покоем и гармонией. Жизнь налаживалась.

– Осторожнее там! Ногти красила, чуть лак не разлила... – пожаловались из гробика на неожиданную турбулентность. – И живее с покупкой! Мана на донышке! Я сейчас ее съем!

Кицум едва сдержался, чтобы не выругаться – водная идиллия разрушена безжалостным кровососом. Впрочем, блондинка всё равно насквозь его видит, а репутацию с ней лучше не опускать. Отношения только стали налаживаться и, возможно, получится избавиться от чудовища раньше. Сейчас Ка его спасла, и он был даже ей благодарен.

В теле наблюдалась приятная свежесть и легкость, а вот ум погрузился в тяжкое предчувствие катастрофы. С большим сожалением Кицум покинул гостеприимный фонтан и отрях-

нулся как мокрый пёс. Надо спешить – оставшейся маны хватит минут на десять. Возможно, и меньше, если расход зависит от его активности.

Кицум не стал проверять расчеты и поковылял через толпу на голос аукционера. Всё это время тот продолжал объявлять лоты. Ставки на те же двадцать-тридцать маны, не выше. Цены здесь меньше, но выкупать «коней» почему-то никто не спешил.

7

– Двадцать маны – два! Двадцать маны – три!

Как оказалось, потенциальных покупателей совсем немного. Много было праздных зевак. Никто не торговался даже за такую ничтожную сумму. Одни презрительно фыркнули, другие даже не слышали объявлений, оживленно обсуждая что-то, а третьи развернулись и ушли. Похоже, местные духи тут просто приятно проводили время.

Штабеля клеток, запах мочи и прелого сена – аукционом это место назвало бы существо только с очень богатым воображением. На табуретке сидел голый торс в зеленом трико, накрытый шляпой с загнутыми вверх полями. Высокую тулью украшали дивное сизое перо и серая лента с множеством вырванных у кого-то зубов. Некоторые выглядели очень свежими, но на дантиста парень походил мало – тело покрывали продольные шрамы от чьих-то когтей, одного уха не было, кожа обветрена. Он спокойно дремал. На коленях лежал лук, за спиной колчан со стрелами, а на плече уютно устроился аукционер – косоглазый бельчонок.

– Ставок нет. Лот снимается с аукциона! – разочарованно объявил зверек.

– А где мой? – беспокойно спросил Кицум, озираясь. Не своего же «Робин Гуда» тот продает? А сновавшие вокруг по делам люди едва ли могли быть предметом торга. Они все были уже кем-то заняты.

Белка небрежно махнула лапкой, показывая на некрасивую сутулую девушку. Та безуспешно пыталась вытащить из клетки крупного и отчаянно упирающегося черно-белого зверя.

Кицум болезненно скривился.

Женщина? Нет, только не это! Управлять существом с принципиально иным мышлением малоприятно и вредно для психики. Перспективы сомнительны, а финал непредсказуем.

Но что еще делать? С таким запасом маны уже не до выбора. Спасибо Камее хотя бы за это. Подросток, которого уступил пушистику, был тоже не богатырь.

Дав себе обещание пересесть при первой возможности, Кицум уныло поплелся к покупке. Еще бы разобраться, как ее оседлать. А потом и объезжать надо...

Подкравшись к цели, он ухватился за штанину и подтянулся. Девушка почувствовала прикосновение и обернулась. К счастью, зверюга, которую она отковыривала, глухо заворчала и отвлекла внимание.

– Куда прешь? – вдруг злобно фыркнули сверху. – Занято!

От неожиданности Кицум расслабил присоски на щупальцах и шлепнулся в пыль. На шее девушки недружелюбно зыркало румяное круглолицее существо. Колобок с ножками, видимо, начисто объедал бедняжку. Иначе ее болезненную худобу объяснить было трудно.

Занято? Как так? Он только что купил это двуногое!

Кицум растерянно попятился и побежал к белке, чтобы устроить скандал, но та и сама всё видела.

– Ты что? Здесь не продают людей. А та особь покупает для себя пета. Как раз твой лот достает! – острый, чуть загнутый коготок показал на девушку. – Орешек х-хочешь?

– Послушайте, «как-вас-там-зовут»! Я покупал человека, а не зверя! – возмутился Кицум.

– Мы вслепую не торгуем. Весь товар на виду. А меня зовут Клара! – ее контральто мало подходило мелкому пушистому грызуну. – Всё легально, лицензии и сертификаты в полном порядке. Звери привиты, к лотку приучены. Карл ловит, Клара продает. Он людям, я духам. И все довольны. Есть претензии – пишите заявление. Нам не нужны проблемы. Вернем ману через десять дней, как положено по закону. Но комиссионные удержим.

– У меня нет ни маны, ни времени! Какие еще комиссионные?! – заверещал Кицум, заставив духов-зевак испуганно вздрогнуть. Те с жадным любопытством следили, как разворачивается конфликт. Казалось, они жмурились от удовольствия, питаясь чужой энергетикой и эмоциями.

– Минимальные. Две маны в вашем случае! – холодно отрезала белка, скосив глаза так, что они едва не выпали на нос. – Орешек н-надо?

– Да засунь себе в зад свой орех! – разозлился Кицум, шелкнув щупальцем точно кнутом. Получилось неожиданно звонко. – Что со зверями, на которые вообще не было ставок?

– Они снимаются с аукциона, – обиженно сверкнула глазками Клара. – Их можно взять даром. На вашего как раз никто не претендовал! – мстительно добавила она, улыбаясь.

– А на кой черт я тогда его покупал? Что за...

Кицум набрал воздуха, чтобы предъявить обвинение, но так и не успел сформулировать мысль.

– Ам! – феечка больно цапнула щупальце, выскочив из инвентаря, точно заводная кукушка из часов с гирьками.

«Внимание! Критический уровень маны: одна единица!» – заплясали в глазах кровавые шарики.

– Но почему сейчас-то?! – с досадой простонал Кицум, слабея.

– Не могла больше терпеть. И так долго сидела! – хищно облизнулась Камея. – Чего ты влез со ставкой? Я давала команду?

Кицум молча развернулся и побежал к «девушке с колобком», которая по-прежнему с кем-то возилась. На выяснение отношений времени уже не осталось. Счет шел на минуты, возможно, секунды. Там, в большой деревянной клетке, яростно ворочалось что-то мохнатое и почти круглое, отчего она едва не подпрыгивала, угрожая вот-вот развалиться на части.

Все «наездники», которых Кицум видел раньше, сидели на шее или плечах. Но где они у шарообразной, вертящейся, точно юла, твари? Что, если их вообще нет?

Предположив, что голова должна быть самой высокой точкой, он торопливо полез наверх. Это стало ошибкой – его едва не размазало по потолку. Глухо рычащий под ним меховой ком кувырчался и дергался, не собираясь сдаваться ни сутулой девушке, ни головоногому духу.

Да что за тупая и бешеная зверюга?!

В ушах зазвенело, к присоскам на щупальцах приклеилась шерсть, а в уме будто тикал метроном, отбивая последние секунды «духовной жизни». Всё прыгало перед глазами, словно он оседлал взбесившийся мяч. Черно-белые пятна окраски размывали звериный силуэт до полной неразличимости частей тела. Ощущение верха и низа исчезло, и Кицум полз по шерсти, ориентируясь лишь на раздраженное фырканье. Он искренне надеялся, что его издавала именно пасть, но до конца не был в этом уверен.

К счастью, щупальца нашли не хвост, а аккуратные круглые ушки. Под ними, наконец, обнаружилась морда со злыми бусинками глаз. Черные пятна вокруг них напоминали очки, а скорее, даже маску разбойника.

Панда! Большая злющая панда! Ну, и как объезжать? И как выжать из нее ману?

– Быстрее! Сконцентрируйся на ее ауре, – подсказала Камея, переживая за обоих. – Пощупай зверя как бы изнутри, пробейся через его защитное поле!

Где щупать? Сконцентрироваться? В таком-то бедламе?

Кицума мотало, точно ковбоя на диком быке. Животное чувствовало на себе чужака, а родео с разъяренной пандой грозило убить раньше, чем кончится мана.

На миг действительно мелькнуло ощущение некоего энергетического барьера, который, видимо, и надо было как-то пробить. И в этот момент бесноватая тварь с силой ударила головой о клетку. Наездник неудачно оказался между ними, и его тело повторило рисунок решетки, точно блин в вафельнице.

В голове будто взорвали гранату – вспышка боли, отозвавшейся во всем его существе. Несколько щупалец безвольно обмякли, а оставшиеся уже не могли удержать наверху тело. Из последних сил они вцепились в медвежьи уши, но понемногу разжимались, ослабляя хватку. Кицум отчетливо понимал, что вот-вот отвалится и упадет в пыль, где его мгновенно затопчут. Он с нехорошим свистом дышал и едва шевелился, точно медуза, выброшенная морем на горячий песок.

– Соберись, не сдавайся! Не можешь его обуздать?! – хлестнул по гордости крик Камеи.

Нет! Он не вернется в «банку»! Под ним ведь даже не человек! Это всего лишь животное!

Не обращая внимания на боль, Кицум вновь поймал «поле», словно сузив сознание в прожигающую ментальный барьер точку. Животное в панике, но его аура теплая, текучая и живая! Надо лишь не ломиться в нее так нетерпеливо и грубо. Она поддастся, если входить аккуратно, бережно. Непрерывно и очень настойчиво.

«Я свой. Мы с тобой одной крови...» – прошептал Кицум, гипнотизируя панду всплывшей цитатой из Киплинга.

Но та не поверила и вырвалась из клетки, сбив несчастную девушку с ног. Белка пронзительно заверещала, духи-зеваки бросились врассыпную, а Карл, наконец, проснулся и вскочил, еще не понимая, куда бежать, в кого стрелять.

Поднимая клубы пыли, панда мохнатым тараном наматывала круги возле фонтана, пытаясь избавиться от пугающих голосов в голове. Прохожие прижались к стенам, некстати проезжавшая карета опрокинулась, и кони поднялись на дыбы. Широко расставив руки, Карл отважно встал на пути зверя, но тот его попросту не заметил. Двести килограмм мяса и сала подкинули беднягу высоко в воздух, даже не потеряв в скорости.

«Верните деньги! Он мне больше не нужен!» – закричала девушка из клетки, как только надежно заперлась изнутри. Дверь в нее рвал народ снаружи, но неудавшийся петовод никого к себе не пускала.

Кицум наконец пробил брешь в энергетической защите животного и теперь пытался взять управление на себя. Учиться времени не было, поэтому он действовал наугад, «дернув» невидимые нитки-поводья. Как оказалось, они отвечали за передние лапы. Панда «забыла» перенести их вперед и кувыркнулась через голову. Тяжелое мохнатое ядро полетело прямо в подбегавший отряд стражников, обеспокоенных необъяснимым шумом и хаосом на прежде сонной и мирной улице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.